САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

РАСПЛАТА ЗА ВЕЛИЧИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
РАСПЛАТА ЗА ВЕЛИЧИЕ
- Исторический роман

https://litres.ru/74815867
SelfPub; 2026

Аннотация

Роман «Расплата за величие» — это масштабное художественное повествование о Наполеоне Бонапарте, человеке, чья судьба стала одной из самых драматичных и противоречивых страниц европейской истории.

Однако в центре произведения находится не только история военных побед, политических переворотов и создания империи. Автор стремится проникнуть за пределы исторического портрета, увидеть за императорской короной живого человека — со своими надеждами, привязанностями, сомнениями, слабостями и трагическими заблуждениями.

Путь Наполеона начинается на Корсике, среди воспоминаний о родном острове и раннего ощущения собственной непохожести на окружающих. Затем следуют годы учёбы, революционная Франция, первые военные успехи, итальянская кампания, египетская экспедиция, приход к власти и коронация. Перед читателем постепенно разворачивается удивительное

восхождение человека, сумевшего изменить политическую карту Европы.

Особое место в романе занимают человеческие отношения. Любовь к Жозефине.

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
РАСПЛАТА ЗА ВЕЛИЧИЕ
- Исторический роман

РАСПЛАТА ЗА ВЕЛИЧИЕ

Исторический роман

ПРОЛОГ

Поле, на котором решалась судьба

Первое ядро ударило в землю неподалёку от дороги, взметнув вверх целый фонтан грязи, камней и обломков травы. Через несколько мгновений второе перелетело через головы пехотинцев и разорвалось за их спинами. Люди пригнулись, кто-то упал, кто-то выругался, а молоденький барабанщик, до этого старавшийся держаться с видом бывалого солдата, вдруг обнаружил, что не может разжать пальцы на ремне своего инструмента.

Небо было затянуто дымом. Сквозь него едва пробивалось утреннее солнце, и казалось, что день начался не с рассвета, а с пожара, который уже невозможно потушить.

— Вперёд! — прокричал офицер.

Его голос утонул в грохоте.

Пехотная колонна двинулась через неровное поле. Солдаты шли тесно, плечом к плечу, стараясь не смотреть на тела, лежавшие у дороги. Одни ещё шевелились, другие уже не

подавали признаков жизни. Лошади метались между повозками, рвали поводья, вставали на дыбы. Где-то неподалёку кричал человек, которого придавило перевернувшейся пушкой.

Никто не знал, сколько ещё продлится этот день. Но каждый понимал: отступить теперь будет труднее, чем идти вперёд.

— Сколько их там? — спросил молодой капитан, пригибаясь рядом с сержантом.

— Достаточно, чтобы нам испортить утро.

— А если мы не выдержим?

Сержант повернул к нему закопчённое лицо.

— Тогда они испортят нам и вечер.

Капитан хотел ответить, но в эту минуту над ними пронёсся снаряд. Земля содрогнулась. Несколько человек упали. Сержант машинально перекрестился, хотя давно уверял товарищей, что перестал верить в чудеса после первого похода.

На возвышенности, за линией артиллерии, стоял человек в сером сюртуке. Он почти не двигался. Вокруг него находились офицеры, адъютанты, посыльные, но никто не решался заговорить первым. Перед ним расстилалось огромное поле, изрезанное дорогами, оврагами и высотами. Дым скрывал одни участки и открывал другие. Там, где ещё недавно можно было различить расположение войск, теперь двигались лишь смутные тени.

Он смотрел не на отдельные взрывы и не на людей, падавших под огнём. Его взгляд скользил по всему пространству, словно пытался охватить невидимую нить, связывавшую каждое движение, каждый приказ, каждую ошибку.

— На левом фланге становится тесно, государь, — доложил один из генералов.

Человек в сером сюртуке не ответил сразу.

— Кто командует там сейчас?

— Приказ передан. Но дорога простреливается.

— Значит, найдите другую дорогу.

Адъютант поспешил отойти.

Новая канонада ударила по центру. Земля вздрогнула так, что один из офицеров невольно схватился за седло. Внизу пехота вновь пошла вперёд, но навстречу ей поднялась встречная линия. На мгновение обе стороны замерли, словно перед невидимой чертой, которую никто не хотел переступать первым. Затем разом заговорили ружья.

Люди стреляли почти вслепую. Пороховой дым ел глаза, во рту стоял горький вкус, а уши переставали различать отдельные звуки. Солдат, ещё вчера мечтавший о возвращении домой, теперь думал только о том, чтобы не остаться лежать на этой земле. Он не знал, кто придумал этот поход, кому принадлежит соседний холм и зачем тысячи людей должны убивать друг друга из-за линий, проведённых на картах.

Он знал только одно: ему хотелось жить.

— Держать строй! — кричали офицеры.

Но строй уже распадался. На его месте возникали отдельные группы людей, объединённых не приказом, а страхом и отчаянной надеждой уцелеть. Кто-то поднимал упавшего товарища. Кто-то тащил раненого за ворот мундира. Кто-то, потеряв оружие, бежал к ближайшей ложбине, не разбирая, в какую сторону она ведёт.

На возвышенности человек в сером сюртуке наконец повернулся к генералам.

— Их центр ослаблен?

— Пока трудно сказать.

— Не трудно. Посмотрите внимательнее.

Он указал рукой на участок, где сквозь дым проступали редеющие линии неприятельских войск.

— Там происходит нечто важное. Если мы ошибёмся сейчас, весь день будет потерян.

Офицеры переглянулись. Одни видели в его спокойствии уверенность, другие — опасную холодность. Но все знали: он привык принимать решения тогда, когда другие ещё пытались понять, что происходит.

Внизу снова загремели орудия. На поле двигались новые колонны. Одни шли в атаку, другие отходили, третьи, не дожидаясь приказа, разворачивались навстречу опасности. И уже невозможно было сказать, где заканчивается прежний план и начинается новый.

К полудню земля была усеяна телами, разбитыми повозками, брошенными ружьями и обломками орудий. Дым не

рассеивался. Ветер приносил запах пороха, крови и горящей соломы. Время словно остановилось, но бой продолжался, требуя от каждого следующего решения всё большей цены.

Человек в сером сюртуке всё ещё находился на возвышенности. Он видел, как его приказы превращаются в движение тысяч людей, как одни из них исполняются, другие запаздывают, а третьи уже теряют смысл прежде, чем достигают адресатов. Он знал, что победа, даже если она достанется ему, не вернёт погибших и не избавит от ответственности за тех, кто ещё жив.

Вечером поле постепенно затихло. Не потому, что наступил мир, а потому, что у людей больше не осталось сил продолжать бой с прежней яростью. Стрельба стала редкой, затем прекратилась совсем. В темноте ещё слышались стоны раненых и ржание лошадей.

Человек в сером сюртуке медленно спустился с возвышенности. Его сопровождали офицеры, но он почти не замечал их. На несколько мгновений остановился, посмотрел на поле и спросил:

— Сколько?

Никто не сразу понял, что именно он хочет узнать.

— Ваше величество?

— Потери. Сколько людей мы потеряли?

Адъютант назвал предварительные цифры. Человек выслушал молча.

Он мог приказать армиям идти вперёд. Мог заставить го-

сударства заключать мир и королей покидать столицы. Но теперь перед ним лежали тысячи человеческих судеб, которые невозможно было вернуть одним приказом.

Это было поле Бородинского сражения. Седьмое сентября 1812 года.

А человек, чьё имя уже знала почти вся Европа, был Наполеоном Бонапартом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОРСИКАНЕЦ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОСТРОВ ПОД ЧУЖИМ ФЛАГОМ

В тот вечер Карло Буонапарте долго не возвращался домой.

Летиция уже дважды посылала слугу узнать, не задержался ли он у знакомых, но тот возвращался с одинаковым ответом: синьор Карло ещё не появлялся. За окнами постепенно темнело. С моря тянуло прохладой, и в открытые ставни доносились голоса людей, собравшихся неподалёку от площади.

Говорили о французах.

В последнее время это слово звучало в Аяччо так часто, словно город внезапно забыл все остальные слова.

Летиция стояла у стола, разбирая бельё. Она была женщиной ещё молодой, но в её движениях уже чувствовалась привычка к заботам, которые не оставляют времени для долгих размышлений. В доме было несколько детей, каждый со

своим характером и своими требованиями, и ожидание мужа не освобождало её от повседневных обязанностей.

— Опять спорят? — спросила она служанку, прислушавшись к шуму с улицы.

— Да, синьора. Кажется, снова о Паоли.

Летиция усмехнулась.

— На Корсике можно поспорить даже о том, как правильно дышать. А если речь заходит о Паоли, то до утра никто не разойдётся.

Она произнесла это с лёгкой иронией, но улыбка быстро исчезла.

Карло был связан с людьми, которые ещё недавно надеялись сохранить независимость острова. Он знал Паскуале Паоли, разделял многие его взгляды и участвовал в политической жизни Корсики. Но теперь всё изменилось. Французские войска одержали верх, и прежние надежды постепенно уступали место необходимости решать, как жить дальше.

Наконец послышались шаги.

Карло вошёл, снял шляпу и положил её на скамью. На его лице была усталость человека, который весь день разговаривал о вещах, не имеющих простого решения.

— Ты поздно, — сказала Летиция.

— Зато вернулся.

— Это уже хорошо. А то я начала думать, что ты решил вместе с Паоли отправиться в горы.

Карло посмотрел на жену и улыбнулся.

— Думаешь, он ещё ждёт меня?

— Не знаю. Но если ждёт, пусть сначала научится вовремя ужинать.

Он рассмеялся, однако почти сразу посерьёзнел.

— Сегодня виделись люди, которые совсем недавно клялись, что никогда не признают французскую власть. Теперь они обсуждают, кому лучше обратиться с просьбой о должности.

— А ты?

— А что я?

— Ты тоже собираешься просить должность?

Карло не ответил сразу. Он подошёл к окну и посмотрел на крыши домов, за которыми темнело море.

— Мы проиграли, Летиция.

— Я знаю.

— Не просто сражение. Мы потеряли возможность самим решать, что будет с островом.

— А разве мы когда-нибудь по-настоящему сами решали свою судьбу?

Карло повернулся к ней.

— Именно поэтому я и пошёл за Паоли.

— И я никогда не упрекала тебя за это.

В её голосе не было ни осуждения, ни покорности. Летиция умела понимать мужа, но не собиралась соглашаться с каждым его решением только потому, что он был мужчиной и главой семьи.

— Теперь, — продолжил Карло, — нам придётся жить с французами. Другого выхода пока нет.

— Пока нет, — повторила она.

Он уловил в этих двух словах нечто большее, чем простое согласие.

— Ты думаешь, что всё ещё может измениться?

— Я думаю, что люди слишком часто обещают друг другу вечность. А потом приходит очередная армия, и всё начинается сначала.

Карло подошёл к столу и сел.

— Иногда мне кажется, что на этом острове невозможно прожить спокойно хотя бы десять лет.

— Тогда постарайся, чтобы наши дети хотя бы выспались.

Он улыбнулся. Летиция поставила перед ним ужин, и разговор на некоторое время прекратился.

За окном кто-то громко выкрикнул имя Паоли. Затем раздался спор, послышались быстрые шаги. Карло невольно повернул голову.

— Оставь, — сказала Летиция. — Сегодня ты уже достаточно спасал Корсику.

— А если завтра понадобится?

— Тогда завтра и спасай. Сегодня ты должен поесть.

Он посмотрел на неё с благодарностью. В этой женщине была удивительная способность возвращать его с высоты политических рассуждений к простым вещам, без которых никакая политика не имела смысла.

А за окнами продолжал жить остров, который не желал мириться с поражением.

Через несколько дней Карло отправился по делам за пределы Аяччо. Дорога шла между каменистыми склонами, заросшими кустарником, и время от времени открывала вид на море. Ветер приносил запах сосен и влажной земли.

На одном из поворотов он встретил знакомого, старого сторонника Паоли. Тот сидел возле ослика и пытался поправить развязавшуюся поклажу.

— Карло! — окликнул он. — Ты теперь, говорят, с французами?

— Говорят много чего.

— А ты что скажешь?

— Что у меня есть жена и дети.

Старик усмехнулся.

— У всех есть жёны и дети. Но не все из-за этого меняют убеждения.

— А кто сказал, что я их изменил?

Старик посмотрел на него внимательнее.

— Тогда почему не ушёл с Паоли?

Карло некоторое время молчал.

— Потому что Паоли ушёл, а остров остался. И кто-то должен здесь жить.

Старик отвернулся к ослику.

— Может быть, ты прав. Только не забывай, кто мы такие.

— Не забуду.

Они расстались без ссоры. Но Карло ещё долго думал об этом разговоре. Ему было неприятно, что знакомые начинали видеть в нём человека, готового приспособиться к любому властителю. И всё же он понимал: одно дело — сохранить верность прошлому, другое — обречь семью на безысходность.

В его характере уже тогда соединялись качества, которые впоследствии сыграют важную роль в судьбе его детей: гордость происхождением, стремление к общественному положению и способность искать возможности даже там, где прежние надежды потерпели поражение.

Вечером он снова вернулся домой.

Летиция сидела возле окна. Рядом играли дети. Она подняла голову и сразу заметила, что муж чем-то озабочен.

— Опять политика?

— Опять.

— Тогда садись. У меня для тебя есть более важное дело.

— Какое?

— Посмотри, сколько у нас детей. И подумай, как мы будем их растить.

Карло обвёл взглядом комнату. Детские голоса, разбросанные игрушки, хлопоты жены — всё это было гораздо ближе и понятнее, чем дипломатические соглашения, военные поражения и смена флагов.

— Будем растить так, чтобы им не пришлось всю жизнь зависеть от чужой милости, — сказал он.

Летиция посмотрела на него.

— Хорошие слова. Только помни: не всякая большая судьба приносит человеку счастье.

Карло ничего не ответил.

Он ещё не знал, насколько пророческими окажутся эти слова.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РОЖДЕНИЕ СРЕДИ БУРЬ

Августовское утро в Аяччо начиналось с криков торговцев, шума телег и запаха свежего хлеба.

На узких улицах уже было людно. Женщины возвращались с рынка, мальчишки носились между домами, а у гавани рыбаки спорили о цене улова. Солнце поднималось над крышами, обещая ещё один жаркий день.

В доме Буонапарте было не до рынка и не до обычных городских забот.

Летиция ждала ребёнка.

Карло с утра несколько раз заходил в комнату, но всякий раз находил жену занятой приготовлениями или разговорами с женщинами, помогавшими ей. Он пытался выглядеть спокойным, хотя беспокойство всё заметнее отражалось на его лице.

— Карло, — наконец сказала Летиция, — если ты ещё раз пройдёшь мимо этой двери, пол в коридоре придётся перестилать.

— Я просто хотел узнать, всё ли в порядке.

— Всё будет в порядке. А теперь иди и займись чем-нибудь полезным.

— Например?

— Например, перестань мешать.

Он хотел возразить, но посмотрел на жену и понял, что спорить сейчас бессмысленно. Летиция обладала редким даром: даже в самые трудные минуты она умела говорить так, что окружающие невольно начинали ей подчиняться.

Карло вышел в соседнюю комнату.

Там он попытался заняться бумагами, но буквы расплывались перед глазами. Он отложил документы, подошёл к окну и стал смотреть на улицу.

В этот день ему почему-то особенно остро вспомнились последние месяцы. Поражение корсиканцев, уход Паоли, французские солдаты, разговоры о новой власти. Казалось, сама жизнь решила проверить семью на прочность именно тогда, когда она должна была думать о будущем ребёнке.

За дверью послышались голоса.

Затем всё стихло.

И вдруг раздался громкий детский крик.

Карло поднялся так быстро, что едва не опрокинул стул.

— Сын, — произнесла женщина, вышедшая из комнаты. — У вас родился сын.

Карло несколько секунд смотрел на неё, словно не сразу понял смысл услышанного.

— Летиция?

— С ней всё хорошо. Можешь войти.

Он вошёл осторожно, почти неслышно. Летиция лежала на постели, утомлённая, но спокойная. Рядом находился младенец, завёрнутый в светлую ткань.

Карло приблизился.

— Какой маленький, — произнёс он.

— А ты ожидал увидеть взрослого мужчину? — слабо улыбнулась Летиция.

Он рассмеялся.

— Как его назовём?

— Мы уже говорили об этом.

— Я хочу услышать ещё раз.

Летиция посмотрела на ребёнка.

— Наполеоне.

Карло повторил имя тихо, словно пробовал его на слух.

— Наполеоне Буонапарте.

Младенец пошевелился и снова заплакал.

— Кажется, ему не нравится, как ты произносишь его имя, — заметила Летиция.

— Значит, придётся привыкать.

Он наклонился и осторожно коснулся маленькой руки сына. Та неожиданно крепко сжала его палец.

Карло улыбнулся.

— Смотри-ка. Уже не хочет отпускать.

— Пусть сначала научится ходить, а потом будет решать, что ему отпускать.

Они оба засмеялись.

За окном продолжалась обычная жизнь. Никто на улице не знал, что в одном из домов Аяччо появился ребёнок, которому предстояло изменить судьбы многих людей. Да и сами родители не могли этого знать.

Для них это был просто новый сын. Ещё один человек, которого нужно было вырастить, защитить и подготовить к жизни.

Летиция смотрела на него долго и внимательно. В её взгляде не было ожидания великих свершений. Она думала о том, чтобы ребёнок был здоров, чтобы не болел, чтобы рос рядом с родными и не знал тех тревог, которыми была наполнена жизнь взрослых.

— Он будет сильным, — сказала она.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что слабым я ему быть не позволю.

Карло рассмеялся, но понял, что жена говорит совершенно серьёзно.

— Ты собираешься воспитать его по-военному?

— Я собираюсь воспитать его человеком, который не станет ждать, пока другие решат за него, как ему жить.

Карло посмотрел на неё с уважением.

— В таком случае ему повезло с матерью.

— А с отцом?

— С отцом ему ещё предстоит разобраться.

Летиция улыбнулась.

В тот день они говорили о простых вещах: о будущем ребёнка, о доме, о том, кто будет помогать с детьми, о необходимости привести в порядок комнату. За этими разговорами постепенно исчезало напряжение последних недель.

Но история не собиралась оставлять семью в покое.

Корсика переживала последствия французского завоевания. Люди приспосабливались к новой власти, одни искали службу, другие сохраняли прежние убеждения, третьи старались не вмешиваться в политику вовсе. Карло понимал, что для будущего детей необходимо образование и положение, а значит, ему придётся строить отношения с французской администрацией.

Наполеоне рос в доме, где память о прежней борьбе не исчезла, но уже нельзя было жить так, словно поражения не произошло.

И всё же главным человеком в его раннем мире станет именно Летиция. Не политические речи отца и не рассказы о героях сопротивления, а её характер, твёрдость и привычка не отступать перед трудностями будут формировать его первые представления о силе.

Возможно, позднее он научится командовать армиями, вести переговоры с государями и заставлять целые страны считаться со своей волей. Но первое представление о непреклонности он получит не на поле боя и не в военной школе.

Он увидит его в собственной матери.

Вечером, когда солнце стало опускаться за крыши, Карло

вышел на улицу. В гавани уже зажигались огни. Он остановился у стены и посмотрел в сторону моря.

Остров по-прежнему принадлежал Франции. Паоли находился в изгнании. Будущее Корсики оставалось неопределённым.

Но теперь у Карло была ещё одна причина думать о будущем.

Он вернулся в дом, где Летиция уже спала, а маленький Наполеоне тихо лежал рядом с матерью. Карло задержался у постели, некоторое время смотрел на сына и осторожно поправил край одеяла.

Мальчик не проснулся.

Он ещё не знал, что однажды ему предстоит покинуть этот остров, пережить головокружительный взлёт, стать властителем Франции, пройти через множество войн и закончить жизнь вдали от родины. Пока он знал только тепло материнских рук и спокойствие дома.

Но именно отсюда начинался путь человека, которому предстояло заплатить за величие цену, о которой в этот вечер не мог догадаться никто.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ НЕ ХОТЕЛ БЫТЬ ВТОРЫМ

В доме Буонапарте редко бывало тихо. Даже когда взрослые старались соблюдать спокойствие, дети находили тысячу причин нарушить его. Кто-то спорил из-за игрушки, кто-то требовал внимания, кто-то плакал, а кто-то, напротив, сме-

ялся так громко, словно хотел, чтобы его услышали на другом конце Аяччо.

Наполеоне был одним из младших детей, но уже довольно рано обнаружил, что мир не обязан уступать ему дорогу только потому, что ему чего-то хочется.

Впрочем, уступать он и сам не собирался.

— Отдай!

— Не отдам!

— Это моё!

— А кто сказал?

Последний вопрос принадлежал Наполеоне. Он стоял посреди комнаты, сжимая в руках деревянную фигурку, которую старший брат Жозеф только что пытался у него забрать.

Жозеф был спокойнее и рассудительнее. Он не любил ссор, но иногда считал своим долгом напоминать младшим, что старшинство всё-таки что-то значит.

— Ты маленький, — сказал он. — Тебе ещё рано распоряжаться.

Наполеоне посмотрел на него с таким возмущением, будто услышал тяжелейшее оскорбление.

— А тебе уже поздно?

Жозеф рассмеялся. В комнате тоже засмеялись, но Наполеоне не улыбнулся. Он считал, что вопрос остался без ответа.

— Отдай фигурку, — повторил брат.

— Нет.

— Тогда я расскажу матери.

— Рассказывай. Только сначала объясни ей, почему ты сам её отнял.

Жозеф на мгновение замолчал. Он не ожидал, что младший брат станет спорить не просто упрямо, а с такой настойчивостью.

— Ты невозможный мальчишка, — произнёс он наконец.

— А ты слишком много разговариваешь.

В этот момент в комнату вошла Летиция.

— Что здесь происходит?

— Наполеоне не слушается, — пожаловался Жозеф.

— А Жозеф хочет командовать всеми, — немедленно ответил Наполеоне.

Летиция посмотрела сначала на одного, затем на другого.

— Значит, у нас два полководца, а солдат нет?

— Я не полководец, — буркнул Жозеф.

— А я буду, — неожиданно заявил Наполеоне.

Летиция сдержала улыбку.

— Сначала научись убирать за собой игрушки.

— Полководцы не убирают игрушки.

— Зато матери полководцев убирают за ними. И это гораздо более тяжёлая служба.

Дети рассмеялись. Наполеоне недовольно посмотрел на мать, но фигурку всё-таки положил на стол.

Летиция погладила его по голове.

— Ты хочешь, чтобы тебя уважали?

— Да.

— Тогда научись уважать других.

Он не ответил. Возможно, слова матери показались ему слишком простыми. Ему хотелось немедленно получить то, чего он добивался, а не ждать, пока окружающие оценят его поведение.

Однако Летиция умела быть терпеливой. Она не пыталась подавить его характер, но и не позволяла ему превращать собственную волю в закон для всей семьи.

Годы шли. Дом Буонапарте постепенно наполнялся новыми заботами. У Летиции рождались дети, Карло всё чаще бывал занят общественными делами, а старшие сыновья начинали получать образование.

Наполеоне рос худощавым, подвижным и временами необычайно серьёзным мальчиком. Он мог часами заниматься тем, что его интересовало, и совершенно терял терпение, если его отвлекали. В играх он предпочитал не столько весёлое участие, сколько возможность установить правила.

Однажды дети решили устроить военное сражение во дворе.

Из камней соорудили крепость, из палок сделали оружие, а старые тряпки превратили в знамёна. Жозефу поручили командовать одной стороной, Наполеоне — другой.

— Мы нападём отсюда, — объявил Жозеф, показывая на узкий проход между стенами.

— Там нас легко остановить, — возразил Наполеоне.

— Зато там короткая дорога.

— Короткая дорога не всегда хорошая.

— А какая хорошая?

Наполеоне присел на корточки и стал двигать камешки по земле.

— Если вы пойдёте прямо, я вас остановлю здесь. А потом зайду с другой стороны.

— Но у тебя там никого нет!

— Пока нет.

Жозеф засмеялся.

— Ты собираешься выиграть сражение солдатами, которых у тебя нет?

— Я собираюсь выиграть его теми, которые у меня есть.

Игра началась. Сначала всё шло по плану Жозефа. Его отряд быстро приблизился к крепости, и несколько защитников оказались выбиты из строя. Но затем Наполеоне неожиданно повёл оставшихся мальчишек обходным путём и ударил по противнику сзади.

Жозеф растерялся. Его маленькая армия рассыпалась, знамя упало в пыль.

— Так нечестно! — возмутился он.

— Почему?

— Ты не говорил, что нападёшь сзади!

Наполеоне пожал плечами.

— А ты не спрашивал.

— Мы договорились играть по правилам!

— Мы договорились играть в войну.

Жозеф хотел возразить, но не нашёл подходящих слов.

С балкона за происходящим наблюдал Карло. Он улыбался, однако в какой-то момент задумался. Ему нравилось, что сын умеет самостоятельно принимать решения, но он видел и другую сторону его характера: Наполеоне не любил проигрывать даже в самой пустяковой игре.

— Упрямый, — заметил Карло, когда Летиция подошла к нему.

— Весь в тебя, — ответила она.

— А мне кажется, в тебя.

— Тогда нам обоим придётся отвечать за его воспитание.

Карло рассмеялся.

Во дворе Наполеоне уже объяснял проигравшим, что в следующий раз они должны внимательнее следить за флангами.

— Ты опять командуешь? — спросил Жозеф.

— Нет. Я объясняю, почему вы проиграли.

— Это одно и то же!

Наполеоне посмотрел на брата и неожиданно улыбнулся.

— Тогда в следующий раз командуй лучше.

Жозеф не выдержал и рассмеялся.

В их отношениях было немало соперничества, но именно оно делало братьев близкими. Жозефу приходилось мириться с тем, что младший не желал признавать его превосходство во всём, а Наполеоне постепенно учился понимать, что

даже самый близкий человек не обязан соглашаться с ним.

Впрочем, последнее давалось ему нелегко.

Однажды вечером Карло застал сына за чтением.

Наполеоне сидел у окна, подложив под книгу сложенную ткань. В комнате было уже темно, и последние лучи солнца почти исчезли за соседними крышами.

— Что читаешь?

Мальчик поднял голову.

— Историю.

— Какую именно?

— Про людей, которые побеждали.

Карло подошёл ближе и посмотрел на страницу.

— А про тех, которые проигрывали, ты не читаешь?

— Проигравшие тоже бывают интересными.

— Почему?

Наполеоне немного подумал.

— Потому что иногда они проигрывают не потому, что слабые.

Карло удивлённо посмотрел на сына.

— А почему же?

— Потому что ошибаются. Или потому что им не хватает людей. Или потому что другие делают что-то неожиданное.

Отец сел рядом.

— Значит, ты уже понял, что одного желания победить недостаточно?

Наполеоне нахмурился.

— Если очень сильно захотеть, можно многое.

— Но не всё.

— А что нельзя?

Карло улыбнулся.

— Например, заставить море остановиться.

Мальчик посмотрел в окно. За домами виднелась узкая полоска темнеющего неба.

— Тогда надо идти туда, где море заканчивается.

Карло рассмеялся, но не стал спорить.

Он видел перед собой ребёнка, который ещё не знал ни настоящих поражений, ни ответственности за чужие жизни. Но в его ответах уже появлялось то самое беспокойное стремление выйти за пределы привычного мира, которое со временем станет одной из главных движущих сил его судьбы.

— Не забывай, Наполеоне, — сказал Карло, — человек должен знать не только, куда идти, но и зачем.

— А если я ещё не знаю?

— Тогда учись. Жизнь сама задаст тебе этот вопрос.

Наполеоне вернулся к книге.

Он ещё не знал, что однажды ему придётся отвечать на этот вопрос перед целой Европой.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ЧУЖОЙ ЯЗЫК, ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ

В тот день, когда Карло впервые заговорил с сыном о Франции, Наполеоне обиделся.

Он не сразу понял, что именно его задело. Возможно, тон

отца, возможно, само слово «Франция», которое в доме Буонапарте произносили с осторожностью, словно оно могло вызвать неприятности.

— Ты поедешь учиться во Францию, — сказал Карло.

Наполеоне поднял глаза.

— Почему?

— Потому что там есть хорошие военные школы.

— А здесь нет?

— Здесь ты не получишь того образования, которое я хочу тебе дать.

— Но я родился здесь.

Карло кивнул.

— Знаю.

— И мама здесь родилась. И ты.

— Да.

— Тогда почему я должен уезжать?

Отец некоторое время молчал. Он ожидал вопросов, но не такого прямого сопротивления.

— Потому что Корсика теперь часть Франции. И если ты хочешь получить хорошее образование, тебе придётся учиться там.

Наполеоне нахмурился.

— Значит, они забрали наш остров, а теперь я должен ехать к ним?

Карло внимательно посмотрел на сына.

— Не всё в жизни происходит так, как нам хочется.

— А если не соглашаться?

— Иногда несогласие требует больше мужества, чем кажется. Но иногда оно просто мешает человеку двигаться дальше.

Наполеоне отвернулся.

Он не хотел обсуждать это решение. Для него Франция была далёкой землёй, чужой по языку и привычкам. Он знал, что там живут люди, которые теперь распоряжаются его родиной, и не видел причин испытывать к ним особую симпатию.

Вечером он рассказал обо всём Летиции.

— Отец хочет отправить меня во Францию.

— Я знаю.

— Ты тоже согласна?

— Я согласна, что ты должен получить образование.

— Но я не хочу уезжать.

Летиция отложила шитьё.

— А ты думаешь, мне хочется отпускать тебя?

Наполеоне посмотрел на неё.

— Тогда не отпускай.

Она улыбнулась, но в её глазах мелькнула грусть.

— Если я оставлю тебя рядом только потому, что мне будет тяжело расставаться, я поступлю эгоистично.

— А если там мне будет плохо?

— Тогда ты должен научиться справляться с трудностями.

— Ты всегда говоришь, что надо быть сильным.

— Потому что жизнь редко спрашивает, готов ли ты к испытанию.

Наполеоне сел рядом.

— А если они будут смеяться надо мной из-за моего языка?

Летиция погладила его по волосам.

— Пусть сначала попробуют. А ты не забывай, кто ты такой.

Эти слова он запомнил.

Первые занятия французским языком давались ему нелегко. Корсиканская речь была привычной, итальянский язык встречался в книгах и разговорах, но французский звучал иначе. В нём были непривычные звуки, странные сочетания букв и выражения, которые казались Наполеоне ненужными и нелепыми.

Карло приглашал учителя, и тот терпеливо объяснял мальчику правила произношения.

— Повторите, месье Наполеоне.

— Я уже повторял.

— Но неправильно.

— Значит, объясните, как правильно.

Учитель вздохнул.

— Сначала нужно слушать, а потом говорить.

— Я слушаю.

— Не перебивайте.

Наполеоне сжал губы.

Он не любил, когда его поправляли, особенно если поправка касалась того, что он считал очевидным. Но постепенно понимал: чтобы добиться своего, придётся освоить язык людей, которых он пока не считал своими.

Однажды учитель прочитал короткий французский текст и попросил пересказать его.

Наполеоне справился не сразу, но затем неожиданно задал вопрос:

— Почему здесь говорится, что король защищает народ, если народ должен платить ему налоги?

Учитель растерялся.

— Это разные вещи.

— Почему?

— Потому что государство нуждается в деньгах.

— А народ?

Учитель посмотрел на Карло, который присутствовал при занятии, и тот едва заметно улыбнулся.

— Наполеоне, — сказал он, — не каждую мысль нужно превращать в спор.

— Но если я не понимаю, зачем мне её повторять?

Учитель закрыл книгу.

— Вы трудный ученик.

— Зато внимательный.

На этот раз рассмеялся даже учитель.

Вскоре разговоры об учёбе стали приобретать более серьёзный характер. Карло хлопотал о документах, рекомен-

дательных письмах и возможности отправить сына во Францию. Наполеоне всё чаще слышал незнакомые названия городов, школ и учреждений.

Он понимал, что решение принято.

Однажды ночью он долго не мог заснуть. Из открытого окна доносился шум моря. Где-то внизу разговаривали поздние прохожие, а над крышами стояло ясное звёздное небо.

Он представил себе далёкую Францию. Там будут другие улицы, другие дома, другие мальчики. Они будут говорить на языке, который он ещё не вполне освоил, и, вероятно, считать его чужаком.

Эта мысль неприятно жгла.

Но ещё сильнее его тревожило другое: там никто не будет знать, кто он такой. Никто не станет считаться с его фамилией, семейным происхождением или тем, что он родился на Корсике. Там ему придётся доказывать всё самому.

Он повернулся на другой бок.

Впервые перед ним открывалась дорога, на которой не было привычной поддержки семьи. И хотя он ещё не мог назвать это одиночеством, именно оно постепенно становилось частью его характера.

Утром Наполеоне подошёл к отцу.

— Я поеду.

Карло поднял голову.

— Ты передумал?

— Нет. Я просто понял, что всё равно придётся.

Отец некоторое время смотрел на сына, затем положил руку ему на плечо.

— Вот теперь ты начинаешь взрослеть.

Наполеоне не ответил.

Он ещё не знал, что французская земля, которая сейчас казалась ему чужой, однажды станет местом его величайшего возвышения. Но Корсику он не забудет никогда.

И, возможно, именно поэтому даже на вершине власти будет продолжать искать в памяти тот остров, где когда-то был просто мальчиком, которому не хотелось уезжать из дома.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОЕННАЯ ШКОЛА

Дорога во Францию оказалась длиннее, чем представлял себе Наполеоне.

Когда корабль покинул корсиканскую гавань, он долго стоял у борта, наблюдая, как постепенно исчезают знакомые очертания берега. Горы становились всё меньше, белые дома сливались в одну светлую полоску, а затем и вовсе растворились в морской дымке.

Карло стоял неподалёку.

— Замёрзнешь, — заметил он.

— Мне не холодно.

— Тогда хотя бы отойди от борта. Море не любит беспечных пассажиров.

Наполеоне нехотя отошёл.

Он не хотел показывать, что расстроен. Ему казалось уни-

зительным признаваться в тоске, особенно перед отцом. Но внутри у него было такое чувство, словно вместе с берегом исчезало нечто важное, что уже никогда не удастся вернуть.

— Ты ведь ещё вернёшься сюда, — сказал Карло.

— Конечно.

— Не обещай того, чего не можешь знать.

— Я знаю, что вернусь.

Карло посмотрел на сына. В его возрасте он сам был уверен, что жизнь подчиняется человеческой воле. Но годы научили его осторожнее относиться к обещаниям.

— Хорошо. Тогда постарайся вернуться человеком, которым мы сможем гордиться.

Наполеоне отвернулся к морю.

Он хотел сказать, что отец и без того должен им гордиться, но промолчал.

Во Франции всё оказалось непривычным.

Даже воздух казался другим. Улицы были шире, дома выше, речь людей звучала быстро и резко. Наполеоне с трудом понимал некоторые слова, а когда пытался ответить, его произношение сразу выдавало корсиканца.

Вскоре он оказался в военном учебном заведении, где должен был готовиться к будущей службе.

Первое время мальчик чувствовал себя чужим среди сверстников. Они давно знали друг друга, свободно разговаривали, шутили, спорили и без особого труда находили общий язык. Наполеоне же приходилось постоянно следить за

собственной речью, подбирать слова и терпеть улыбки тех, кому его затруднения казались забавными.

Однажды за столом один из учеников громко спросил:

— Скажи, корсиканец, а у вас там все так разговаривают?

Наполеоне продолжал есть.

— Я тебя спрашиваю.

— А я тебя слышу.

Мальчик засмеялся.

— Наверное, ты ещё и французов ненавидишь?

Наполеоне поднял глаза.

— Я не обязан любить каждого, кто говорит по-французски.

За столом раздался смех.

— Слышали? Он уже ненавидит нас!

— Нет, — спокойно ответил Наполеоне. — Пока я просто ем.

Несколько учеников засмеялись громче прежнего. Но тот, кто начал разговор, остался недоволен.

— Ты слишком высокого о себе мнения.

— А ты слишком много говоришь о моём.

На этот раз вмешался старший воспитанник.

— Довольно. Здесь не рынок.

Наполеоне снова опустил глаза к тарелке. Он не хотел устраивать драку, хотя внутри всё кипело. Ему было обидно не столько из-за насмешек, сколько из-за того, что он пока не мог ответить так, как хотел бы.

Вечером он долго сидел над книгой.

Французские слова упрямо не желали становиться привычными. Он повторял их вслух, записывал, стирал, снова записывал. Иногда ему казалось, что язык нарочно сопротивляется, проверяя, насколько далеко простирается его терпение.

В комнату заглянул один из воспитателей.

— Вы ещё не спите?

— Нет, господин.

— Уже поздно.

— Я хочу закончить упражнение.

— Завтра будет новый день.

Наполеоне посмотрел на него.

— Тогда завтра у меня будет вдвое больше работы.

Воспитатель задержал на нём взгляд, но ничего не сказал.

Постепенно он начал находить то, что давалось ему лучше всего.

Математика.

Цифры не смеялись над его произношением, не задавали вопросов о происхождении и не интересовались, считает ли он себя французом. Задача либо имела решение, либо нет. И если решение существовало, его можно было найти, проявив терпение и внимание.

Наполеоне особенно нравились геометрические построения. Он мог долго рассматривать чертёж, передвигать линейку, проверять углы и искать более короткий путь к резуль-

тату.

Однажды преподаватель предложил ученикам решить задачу, с которой большинство справилось лишь после нескольких попыток.

Наполеоне поднял руку.

— Вы уже закончили? — спросил преподаватель.

— Да.

— Тогда объясните решение.

Мальчик вышел к доске и начал чертить.

Он говорил не слишком свободно, иногда останавливался, подбирая французское слово, но его рассуждения были последовательны. Преподаватель внимательно следил за построением.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Вы нашли правильный путь.

Наполеоне вернулся на место.

Сосед наклонился к нему и прошептал:

— Значит, корсиканцы всё-таки умеют считать.

Наполеоне даже не повернулся.

— А ты, значит, умеешь говорить. Жаль, что не всегда думаешь.

Сосед покраснел, но промолчал.

Одиночество постепенно стало привычным.

Наполеоне не был человеком, которому требовалось постоянное общество. Он мог проводить часы за чтением, наблюдать за другими учениками и почти не участвовать в их

развлечениях. Но это не означало, что ему не хотелось дружбы.

Иногда, когда он видел, как несколько мальчиков вместе обсуждают домашние новости или делятся воспоминаниями о родных местах, его охватывала тоска.

Он вспоминал мать, её голос, запах корсиканского дома, шум улицы и море за окнами.

Однажды ему пришло письмо.

Почерк Летиции он узнал сразу. Он развернул лист и стал читать медленно, словно хотел продлить каждую строчку.

Мать писала о семье, о братьях и сёстрах, о домашних делах. Спрашивала, не болеет ли он, хорошо ли питается, не слишком ли устаёт от занятий. В конце было несколько слов, которые он перечитал особенно внимательно: она просила его не забывать родной дом и не стыдиться того, откуда он родом.

Наполеоне долго держал письмо в руках.

Затем аккуратно сложил его и спрятал среди книг.

В тот вечер он написал ответ. Он рассказал о занятиях, о преподавателях, о трудностях с французским языком. О насмешках не написал. Ему не хотелось тревожить мать.

Но закончил письмо словами:

«Я постараюсь, чтобы вы никогда не пожалели, что отправили меня сюда».

Он перечитал эту фразу, задумался и поставил подпись.

За окном шёл дождь. В коридоре слышались шаги дежур-

ного, а в соседней комнате кто-то негромко смеялся.

Наполеоне задул свечу и лёг.

Он ещё не знал, каким станет его будущее. Но уже понимал, что возвращаться домой прежним мальчиком не получится. Чужая земля понемногу учила его самостоятельности, а одиночество заставляло искать опору внутри себя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ОДИНОЧЕСТВО ЮНОГО ЧЕСТОЛЮБЦА

В военной школе Наполеоне постепенно привык к распорядку, который поначалу казался ему почти невыносимым.

Подъём, занятия, строевая подготовка, упражнения, чтение, проверки — всё было расписано заранее. Даже свободное время имело свои границы. Для мальчика, выросшего на Корсике, где горные дороги и открытое пространство давали ощущение свободы, такая жизнь становилась испытанием.

Но он научился использовать её в собственных интересах.

Когда другие ученики после занятий отправлялись играть или беседовать, Наполеоне нередко оставался в библиотеке. Его интересовали не только военные предметы. Он читал историю, географию, книги о древних государствах и великих полководцах. Особое внимание уделял тому, как возникали и исчезали державы.

Однажды преподаватель истории заметил, что ученик снова взял книгу о Римской республике.

— Вы опять читаете о римлянах?

— Да, господин.

— Чем они вас так занимают?

— Они создали государство, которое подчинило себе почти весь известный мир.

— И всё же республика погибла.

Наполеоне поднял голову.

— Значит, они не сумели сохранить то, что создали.

Преподаватель улыбнулся.

— История гораздо сложнее, чем вам кажется.

— Тогда почему вы рассказываете её так просто?

Учитель рассмеялся.

— Вы, молодой человек, опасный собеседник. Всегда хотите последнего слова.

— Только если первое было неправильным.

На этот раз преподаватель не стал спорить. Он заметил, что мальчик действительно внимательно читает, сопоставляет события и пытается самостоятельно делать выводы. Иногда его рассуждения были поспешными, но в них уже проявлялось стремление видеть за отдельными событиями общую картину.

Среди учеников Наполеоне не пользовался всеобщей симпатией.

Его считали замкнутым, резким и чрезмерно самолюбивым. Он редко участвовал в общих развлечениях, не любил пустых разговоров и болезненно реагировал на насмешки. Некоторые считали его высокомерным, другие — просто странным.

Но были и те, кто постепенно начинал уважать его.

Один из таких мальчиков однажды подошёл к нему после занятий.

— Ты ведь родом с Корсики?

— Да.

— Там действительно постоянно дерутся?

Наполеоне посмотрел на него.

— А у вас во Франции никто не дерётся?

— Дерутся. Но не из-за каждой обиды.

— Значит, ты плохо знаешь людей.

Мальчик улыбнулся.

— А ты, похоже, знаешь их слишком хорошо.

— Я знаю, что некоторые обиды лучше не забывать.

— И что ты делаешь, когда тебя обижают?

Наполеоне немного подумал.

— Стараюсь запомнить.

— А потом?

— Потом решаю, стоит ли отвечать.

Собеседник посмотрел на него с любопытством.

— Ты всегда такой серьёзный?

— Нет. Иногда я сплю.

Оба рассмеялись.

Это была одна из немногих бесед, в которых Наполеоне позволил себе говорить без привычной настороженности. Он ещё не умел легко сближаться с людьми, но постепенно понимал, что не каждый человек, говорящий с ним по-фран-

цузски, обязательно является его противником.

Вскоре его способности стали замечать преподаватели.

Особенно хорошо он проявлял себя в математике и военных дисциплинах. Его привлекали расчёты, связанные с артиллерией, движением снарядов и расположением орудий. В отличие от многих сверстников, он не воспринимал эти предметы как скучную обязанность.

Однажды преподаватель артиллерии объяснял ученикам, как следует выбирать позицию для батареи.

— Самое важное, — говорил он, — учитывать расстояние, угол возвышения, направление ветра и особенности местности.

Наполеоне поднял руку.

— А если противник изменит своё положение?

— Тогда расчёты придётся пересмотреть.

— Значит, недостаточно один раз определить правильную позицию?

— Разумеется. Военная обстановка постоянно меняется.

Мальчик задумался.

— Тогда командир должен уметь быстро менять решение.

Преподаватель кивнул.

— Именно.

— А если он ошибётся?

— Тогда его ошибка может стоить жизни солдатам.

В аудитории стало тихо.

Наполеоне посмотрел на преподавателя.

— Значит, командир отвечает не только за то, что приказал, но и за то, чего не сумел предусмотреть?

— Это уже более сложный вопрос, — ответил учитель.

— Но ведь именно так и бывает.

Преподаватель некоторое время смотрел на ученика, затем продолжил занятие.

Он не стал делать из этого разговора особого события. Но именно в такие минуты становилось заметно, что Наполеоне воспринимает военное искусство не как набор правил, а как задачу, в которой ошибка одного человека может изменить судьбы многих.

Письма домой приходили нечасто.

Карло был занят своими делами, Летиция — большой семьёй, и не всегда удавалось поддерживать переписку так часто, как хотелось Наполеоне. Он старался не показывать, насколько сильно скучает по родным, но каждый новый конверт встречал с нетерпением.

В одном из писем мать сообщила, что отец надеется на его успехи и что семья рассчитывает на его дальнейшее обучение.

Наполеоне перечитал эти строки несколько раз.

Ему вдруг стало ясно, что от него ждут не просто хороших оценок. Семья возлагает на него надежды, и он не хочет оказаться человеком, который их разочарует.

В тот вечер он долго сидел над тетрадью. Затем написал несколько строк о своих занятиях и добавил:

«Я не собираюсь оставаться здесь никем. Когда-нибудь мои способности будут признаны».

Он остановился, перечитал написанное и не стал вычёркивать.

Это была не похвальба перед матерью. Скорее, обещание самому себе.

Он ещё не знал, каким путём придётся идти, чтобы исполнить его. Но мысль о том, что жизнь может оказаться гораздо шире школьных стен, уже не покидала его.

За окном начинался новый день. В коридоре прозвучал колокол, приглашавший учеников на занятия.

Наполеоне закрыл тетрадь, спрятал письмо матери и направился к двери.

Он всё ещё оставался чужаком среди многих сверстников, но постепенно переставал чувствовать себя беспомощным. У него появились знания, цели и уверенность в том, что даже без чужой поддержки можно продвигаться вперёд.

Однако впереди его ждало испытание, которое нельзя было преодолеть одной настойчивостью: нужно было доказать, что он способен не только учиться, но и выдерживать ответственность, которую налагает выбранный путь.

И совсем скоро ему предстояло сделать первый серьёзный шаг к военной профессии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КОРСИКУ

Корсика встретила его запахом моря, нагретого камня и

сухих трав. Этот запах Наполеон помнил с детства, но теперь он казался ему иным. Или, быть может, изменился сам он.

Когда корабль приблизился к берегу, молодой офицер долго стоял у борта, не обращая внимания на шум команды. Вдали проступали знакомые очертания гор, над которыми медленно поднималось солнце. Он смотрел на них с тем чувством, какое испытывает человек, возвращающийся в дом после долгого отсутствия: радость смешивалась с тревогой, а воспоминания — с вопросами, на которые ещё не было ответов.

Ему было семнадцать. За плечами остались годы учёбы, строгие наставники, казарменная дисциплина, экзамены и первые месяцы службы. Он уже носил мундир французского офицера, но внутри по-прежнему оставался корсиканцем, которому слишком хорошо помнилось, как чужая власть пришла на его остров.

На берегу его встретили не парадным строем, а родными голосами.

Летиция первой обняла сына. Она внимательно посмотрела на его лицо, словно пыталась отыскать в нём прежнего мальчика.

— Ты похудел, — сказала она.

— Во Франции плохо кормят?

— Во Франции, как и везде, мать всегда найдёт причину считать сына недостаточно накормленным.

Наполеон улыбнулся и поцеловал её руку.

Карло уже не было. Отец умер в 1785 году, и эта потеря изменила жизнь семьи гораздо сильнее, чем Наполеон мог понять, находясь вдали. Теперь в доме не хватало человека, который прежде принимал решения, разговаривал с чиновниками, искал возможности и пытался удержать семью на плаву. Его отсутствие ощущалось даже в мелочах: в незанятом месте за столом, в незавершённых разговорах, в том, как Летиция иногда замолкала посреди фразы.

Вечером они сидели вместе. Младшие дети шумели, перебивая друг друга, а Наполеон слушал их с неожиданным вниманием. Ему хотелось узнать всё сразу: кто болел, кто вырос, какие новости приходили из соседних домов, что стало с прежними знакомыми.

— Ты теперь офицер, — сказала Летиция, когда дети наконец разошлись. — Значит, у тебя будет жалованье?

— Небольшое.

— Небольшое тоже лучше, чем ничего.

Он посмотрел на мать.

— Я постараюсь помочь семье.

— Не обещай того, чего ещё не можешь сделать.

— Я не собираюсь всю жизнь оставаться младшим офицером.

Летиция чуть заметно улыбнулась.

— Ты и в детстве не любил ждать своей очереди.

— Потому что очередь часто достаётся не тому, кто достоин.

— А кто определяет, кто достоин?

Наполеон не сразу нашёл ответ.

В следующие дни он снова привыкал к острову. Но теперь прогулки по знакомым улицам не возвращали его в детство. Он замечал то, чего прежде не замечал: бедность крестьян, тяжёлую жизнь людей, зависевших от урожая и налогов, осторожность тех, кто предпочитал не говорить вслух о политике. Французская администрация укрепляла своё присутствие, чиновники распоряжались делами острова, а память о сопротивлении Паоли оставалась живой.

Однажды Наполеон встретил старого знакомого отца. Тот сидел возле небольшого дома, чиня деревянную рукоять ножа.

— Слышал, ты стал французским офицером, — произнёс старик, не поднимая головы.

— Стал.

— Хорошая служба. Надёжная форма. Только странно видеть корсиканца в мундире тех, против кого сражались его земляки.

— Я служу в армии, а не своему мундиру.

Старик усмехнулся.

— Красивое различие. Посмотрим, долго ли оно продержится.

Наполеон присел рядом.

— А что вы предлагаете? Снова взяться за оружие?

— Я предлагаю не забывать, кто ты.

— Этого я не забывал.

— Тогда почему служишь им?

— Потому что у них есть армия, школы, артиллерия и возможности. Я не собираюсь отказываться от знаний только потому, что они принадлежат чужой стране.

Старик наконец посмотрел на него.

— Ты говоришь как человек, который хочет взять у Франции всё, что она может дать.

— Возможно.

— А потом?

Наполеон поднялся.

— Потом будет видно.

Он произнёс это без вызова, скорее задумчиво. Вопрос старика задел его сильнее, чем он хотел показать. Служба давала ему профессию и путь вперёд, но не отвечала на вопрос, кому в конечном счёте принадлежит его верность.

Вскоре Наполеон снова уехал во Францию. Служба требовала присутствия, а семья нуждалась в деньгах. Возвращение на Корсику не разрешило его сомнений. Напротив, оно сделало их острее. Теперь он видел родину не только глазами сына, но и глазами человека, который уже знал цену дисциплине, государственной власти и военной силе.

Перед отъездом Летиция проводила его до дороги.

— Ты всё время куда-то стремишься, — сказала она.

— Иначе ничего не изменится.

— Изменится, конечно. Только не всегда так, как ты за-

думал.

Он обнял её.

— Береги себя, мама.

— А ты береги в себе то, что нельзя купить ни за какое жалованье.

Наполеон хотел спросить, что именно она имеет в виду, но не стал. Он уже садился в повозку, когда услышал её последние слова:

— И не забывай возвращаться домой не только тогда, когда тебе больше некуда ехать.

Он обернулся. Летиция стояла у дороги, маленькая на фоне гор, и смотрела ему вслед. Наполеон ещё не знал, сколько раз в будущем ему придётся уезжать, сколько прощаний он переживёт и как трудно окажется однажды вернуться туда, где его всё ещё будут помнить просто сыном Карло и Летиции.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ ОТКРЫВАЕТ ДВЕРИ

Летом 1789 года Париж жил так, словно под его мостовыми давно тлел огонь и теперь достаточно было одного неосторожного движения, чтобы вспыхнул весь город.

Слухи приходили быстрее официальных распоряжений. Говорили о королевской казне, о дорогом хлебе, о людях, которые больше не желали платить за роскошь двора. В кофейнях спорили о свободе, в мастерских ругали налоги, на улицах собирались толпы. Одни требовали перемен, другие бо-

ялись, что вместе со старым порядком исчезнет и сама возможность спокойной жизни.

Наполеон наблюдал за происходящим с интересом, который постепенно становился всё более напряжённым.

Он не был сторонним зрителем. Ещё недавно его будущее зависело от системы, в которой происхождение, покровительство и близость к влиятельным людям нередко значили не меньше способностей. Теперь эта система трещала. То, что прежде казалось неподвижным, вдруг стало предметом открытого спора.

В казарме один из офицеров бросил за обедом:

— Если так пойдёт дальше, завтра каждый сапожник объявит себя государственным деятелем.

— А чем сапожник хуже дворянина? — спросил Наполеон.

— Тем, что сапожник должен шить сапоги.

— А дворянин? Что он должен делать?

За столом засмеялись. Офицер нахмурился, но спорить не стал.

Наполеон всё чаще читал газеты, прислушивался к разговорам, пытался понять, куда движется страна. Его занимали не только политические лозунги, но и практический вопрос: кто способен удержать государство, если прежняя власть перестанет существовать?

Революция открывала двери, но за ними не обязательно находилась свобода. Там могли ждать беспорядок, насилие

и борьба людей, каждый из которых считал себя единственным защитником народа.

Когда известия о взятии Бастилии разошлись по стране, Наполеон воспринял их как знак огромного исторического перелома. Крепость, прежде казавшаяся символом королевской власти, пала под натиском парижской толпы. Для одних это было торжеством народа, для других — началом страшной неизвестности.

Он думал о Корсике.

Остров тоже пережил борьбу за собственную свободу. Но революционная Франция теперь провозглашала идеи, которые ещё недавно звучали бы как вызов самой монархии. Значит ли это, что отношения между Парижем и Корсикой могут измениться? Станет ли новая Франция иной, чем старая?

Эти вопросы привели его домой.

На Корсике разговоры о революции быстро приобрели особый смысл. Здесь обсуждали не только судьбу французского короля, но и будущее острова. Старые сторонники независимости надеялись, что перемены позволят вернуть утраченную самостоятельность. Другие считали, что новая политическая система может дать корсиканцам равные права в составе Франции.

Имя Паскуале Паоли снова звучало почти в каждом серьёзном разговоре. Человек, который долгие годы жил в изгнании, оставался для многих символом сопротивления и надежды.

Наполеон внимательно следил за новостями о нём. Возвращение Паоли на родину становилось всё более вероятным. Для молодых корсиканцев это было событием, способным изменить расстановку сил на острове.

Однажды вечером в доме Летиции собрались родственники и знакомые. Разговор начался с политики, но вскоре перешёл на личности.

— Если Паоли вернётся, — сказал один из гостей, — Корсика снова вспомнит, что она не французская провинция.

— А что она должна вспомнить? — спросил Наполеон. — Что двадцать лет назад её армия проиграла?

Гость резко повернулся к нему.

— Ты говоришь о Паоли так, словно он был твоим врагом.

— Я говорю о том, что поражение нельзя отменить одним воспоминанием.

— А победу можно получить, служа тем, кто нас покорил?

Наполеон спокойно посмотрел на собеседника.

— Победа начинается не с красивых слов. Она начинается с понимания того, что ты можешь сделать.

Летиция, сидевшая у окна, вмешалась:

— Вы спорите о судьбе целого острова, будто речь идёт о шахматной доске. А ведь на каждой клетке живут люди. Им завтра надо будет сеять, растить детей и искать хлеб.

Гости притихли. Она не любила политических речей, особенно тех, после которых мужчины расходились по домам, оставляя женщинам разбираться с последствиями.

Наполеон подошёл к матери.

— Но если ничего не менять, всё останется по-прежнему.

— А если менять бездумно, можно потерять и то, что ещё осталось.

Он не ответил. В словах Летиции была простая правда, которую трудно было опровергнуть, но ещё труднее было принять человеку, привыкшему искать выход в действии.

Вскоре революционные события привели к возвращению Паоли. Для Корсики это стало не просто политической новостью, а возвращением человека, чьё имя было связано с прежней борьбой за независимость. Его встречали с почётом, вокруг него собирались сторонники, и остров вновь оказался перед выбором.

Наполеон тоже стремился встретиться с ним. Когда-то Паоли был для него почти легендарной фигурой — человеком, который осмелился бросить вызов большой державе. Теперь перед ним стоял живой политический деятель, которому предстояло руководить Корсикой в совершенно новых обстоятельствах.

Первая встреча не принесла той близости, на которую молодой офицер, возможно, надеялся. Паоли был вежлив, но осторожен. Он выслушивал Наполеона, задавал вопросы о службе, о взглядах на будущее острова. В его манере чувствовалась привычка оценивать людей не по громкости речей, а по тому, насколько они способны быть полезными.

— Вы хотите видеть Корсику свободной? — спросил он.

— Разумеется.

— И при этом служите во французской армии.

— Я получил образование во Франции и служу там, где могу применить свои знания.

Паоли внимательно посмотрел на него.

— Иногда человеку приходится выбирать между тем, что ему выгодно, и тем, что он считает правильным.

— А иногда, — ответил Наполеон, — он должен сначала понять, что именно правильно.

В разговоре не было открытой враждебности, но и доверия не возникло. Каждый увидел в другом человека, чьи убеждения ещё предстояло проверить временем.

Для Наполеона это оказалось важным уроком. Он обнаружил, что общая любовь к родине не обязательно означает согласие в вопросе о её будущем. Люди, которые когда-то сражались за одну цель, могли по-разному понимать, каким путём к ней идти.

Между тем революция продолжала менять Францию. Старые должности теряли значение, прежние связи рушились, а армия становилась одной из главных сил государства. Для молодого офицера, не принадлежавшего к влиятельной аристократической среде, открывались новые возможности.

Но вместе с возможностями приходила и опасность. В стране, где вчерашний союзник мог стать сегодняшним врагом, служба переставала быть просто профессией. Она всё чаще превращалась в политический выбор.

Наполеон ещё не знал, что впереди его ждут Парижские улицы, мятежные города, осаждённые крепости и решения, от которых будут зависеть тысячи жизней. Он видел лишь то, что прежний мир перестал быть надёжным, а новый ещё не приобрёл ясных очертаний.

И всё же в этом хаосе он чувствовал не только угрозу. Он чувствовал движение. Перед ним открывалось пространство, в котором происхождение могло утратить прежнюю власть, а способности — получить шанс. Революция не обещала ему ни славы, ни победы, но впервые за долгое время он мог поверить, что его будущее не обязательно будет определено чужой волей.

А пока на Корсике снова спорили о свободе, во Франции рушилась монархия, и молодой артиллерийский офицер всё внимательнее присматривался к происходящему, стараясь понять, где заканчиваются слова и начинается настоящая история.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ТУЛОНСКИЙ ПОРОХ

Осенью 1793 года над Тулоном стоял дым.

Он поднимался над гаванью, стелился вдоль набережных, цеплялся за мачты кораблей и смешивался с туманом, приходившим с моря. Город, ещё недавно живший торговлей и морскими делами, превратился в крепость, которую предстояло взять любой ценой. В его порту стоял британский флот, а вместе с ним — корабли испанцев и других против-

ников революционной Франции.

Для республиканской армии потеря Тулона означала не просто военное поражение. Это был удар по престижу революции, по её морской силе и по самой идее, что новая власть способна защитить страну от внешних врагов.

Французские войска окружали город, но осада затягивалась. Командиры спорили, артиллерийские батареи меняли позиции, атаки захлёбывались под огнём защитников. Люди умирали, не понимая, почему очередной приказ снова отправляет их на тот участок, где вчера уже лежали их товарищи.

Наполеон Бонапарт прибыл в армию в звании капитана артиллерии. Ему было двадцать четыре года. Он был молод, худощав, сдержан в разговоре и не слишком склонен нравиться окружающим. Его лицо редко выражало то, что он думал, зато глаза внимательно следили за происходящим.

Он сразу обратил внимание на то, что другие предпочитали считать второстепенным.

Артиллерия была недостаточно организована. Орудий не хватало, боеприпасы доставлялись с перебоями, позиции выбирались не всегда удачно. Солдаты таскали тяжёлые пушки по грязным дорогам, лошади выбивались из сил, а командиры требовали результатов, не всегда понимая, что именно мешает их добиться.

В один из первых дней Наполеон осматривал батарею на возвышенности. Рядом стоял артиллерийский офицер по-

старше.

— Вы полагаете, отсюда можно достать неприятельские корабли? — спросил тот.

— Не все.

— Тогда какой смысл?

Наполеон указал на участок гавани.

— Не обязательно уничтожать весь флот. Достаточно лишить противника возможности спокойно пользоваться портом.

— А если они перенесут корабли?

— Тогда мы заставим их изменить положение. И это уже будет результатом.

Офицер посмотрел на молодого капитана с некоторым недоверием.

— Вы всегда так уверенно рассуждаете?

— Нет. Только когда вижу, что можно сделать.

В последующие дни Наполеон добивался того, чтобы артиллерия перестала действовать разрозненно. Он требовал подтянуть орудия, распределить боеприпасы, наладить наблюдение за целями. Его предложения не всем нравились. Некоторые командиры воспринимали молодого корсиканца как человека, который слишком быстро берёт на себя право указывать другим.

Но обстановка заставляла прислушиваться к тем, кто предлагал не очередную красивую атаку, а конкретный способ изменить положение.

Однажды вечером, когда Наполеон вернулся с осмотра батарей, его встретил солдат с испачканным лицом и перевязанной рукой.

— Капитан, можно спросить?

— Спрашивай.

— Вы действительно думаете, что мы возьмём этот город?

Наполеон посмотрел на него.

— Думаю, что его можно взять.

— Это не одно и то же.

— Нет. Но второе зависит от того, как мы будем действовать.

Солдат помолчал.

— А если не получится?

— Тогда придётся искать другой способ.

— У вас на всё есть другой способ?

— Нет. Но если перестать искать, останется только ждать смерти.

Солдат усмехнулся.

— Хорошо сказано. Только хотелось бы, чтобы этот другой способ не проходил через мою грудь.

Наполеон впервые за день улыбнулся.

— Постараюсь учесть твоё пожелание.

Главной целью постепенно становились укрепления, прикрывавшие вход в гавань. Наполеон понимал: пока неприятельский флот сохраняет свободу действий, осада будет продолжаться, а французская армия останется под угрозой уда-

ров с моря.

Он тщательно изучал местность, наблюдал за расположением батарей противника, оценивал расстояния и возможные направления огня. Его интересовали не только пушки, но и люди, которые должны были ими управлять. Он видел, как страх мешает расчётам, как усталость приводит к ошибкам и как иногда один спокойный приказ способен сделать больше, чем десяток громких распоряжений.

В ночь на 17 декабря началось решающее наступление. Французские части пошли на укрепления, защищавшие гавань. Артиллерия поддерживала атаку, и бой быстро превратился в ожесточённую схватку на узких участках местности.

Снаряды рвались среди камней. Люди падали, поднимались, снова бросались вперёд. Офицеры кричали команды, но голоса тонули в грохоте. Позиции переходили из рук в руки, и каждый новый шаг давался огромной ценой.

Наполеон находился рядом с батареями, следя за огнём и перемещением частей. В какой-то момент он заметил, что расчёт одного из орудий выбыл из строя. Пушка замолчала именно тогда, когда её огонь был особенно необходим.

— Кто умеет работать с этим орудием? — крикнул он.

Несколько солдат оглянулись.

— Я умею, господин капитан! — отозвался молодой артиллерист.

— Тогда становись к пушке. Остальные — помогайте ему!

Наполеон сам подошёл ближе, указал направление и по-

требовал возобновить стрельбу. Вскоре орудие снова заговорило.

В ходе боя он получил ранение в бедро. Оно оказалось болезненным, но не вывело его из строя окончательно. Он продолжал руководить действиями, пока французские части не овладели ключевыми укреплениями.

Положение защитников стало безнадёжным. Британские и союзные корабли начали покидать гавань. В городе вспыхнули пожары, происходили разрушения, а отступление войск коалиции сопровождалось хаосом и паникой.

Тулон был возвращён республике.

Для Наполеона эта победа стала поворотной. Его действия получили признание, а имя молодого артиллерийского офицера стало известно людям, принимавшим решения в армии. Вскоре он получил чин бригадного генерала.

Но в тот вечер, когда шум сражения постепенно стих, Наполеон не думал о новом звании. Он сидел возле стены, осторожно придерживая раненую ногу, и смотрел на дым, всё ещё поднимавшийся над городом.

К нему подошёл один из офицеров.

— Поздравляю, генерал. Теперь о вас будут говорить.

— Пусть сначала подсчитают, сколько людей мы потеряли.

— Вы слишком серьёзно относитесь к победам.

Наполеон поднял глаза.

— А вы слишком легко произносите это слово.

Офицер не ответил.

Молодой генерал снова посмотрел на разрушенный город. Он понимал, что Тулон открыл ему дорогу, о которой ещё недавно можно было только мечтать. Но впервые на этой дороге он так ясно увидел цену успеха: за каждым приказом стояли люди, за каждой победой — чьи-то последние минуты, а за военной славой оставались дома, в которые уже никто не вернётся.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГЕНЕРАЛ РЕСПУБЛИКИ

Париж встретил его не торжественными фанфарами, а шумом политических споров и тревожным ожиданием новых перемен.

После Тулона Наполеон уже не был неизвестным офицером. Его имя упоминали в военных кругах, его способности обсуждали представители революционной власти. Он получил генеральский чин, но вместе с ним приобрёл и новую зависимость: теперь его карьера всё сильнее связывалась с людьми, которые могли возвысить его одним решением и погубить другим.

Революция не любила постоянства.

Те, кто вчера занимал высокие должности, сегодня могли оказаться под следствием. Люди, ещё недавно выступавшие с громкими речами о свободе, начинали опасаться собственных вчерашних союзников. Власть переходила из рук в руки, и каждый новый политический поворот менял положе-

ние армии.

Наполеон внимательно следил за происходящим. Он не был человеком, который легко забывал обиды, но и не стремился участвовать в каждом споре. Его больше занимали армия, артиллерия и организация военных действий. Однако в революционной Франции оставаться в стороне от политики становилось всё труднее.

Особенно болезненно он переживал события, связанные с Корсикой.

Отношения с Паоли постепенно обострялись. Старый вождь всё больше склонялся к разрыву с Францией и сближению с Великобританией. Для Наполеона это означало, что политические дороги, которые ещё недавно казались совместимыми, расходятся.

Он не мог принять переход Корсики под британское покровительство. При всей своей привязанности к острову он видел в этом не освобождение, а замену одной внешней зависимости другой. Паоли же считал, что французская революционная власть предала первоначальные обещания и что независимость Корсики следует искать вне Парижа.

Спор переставал быть отвлечённым.

На Корсике сторонники Паоли укрепляли своё влияние. Семья Бонапартов, связанная с французской администрацией и республиканскими кругами, оказалась в опасном положении. Старые знакомые отворачивались, прежние друзья становились подозрительными, а разговоры о политике всё

чаще заканчивались угрозами.

Наполеон пытался удержать семью от беды. Он понимал, что его военная карьера не спасёт близких, если на острове начнётся открытое преследование.

В одном из писем к матери он настаивал, чтобы она была осторожна и не вступала в ненужные споры. Летиция отвечала сдержанно, но из её слов было понятно, что положение становится всё тревожнее.

— Ты думаешь, я могу просто закрыть дверь и не слышать, что происходит на улице? — сказала она ему во время одной из встреч.

— Я думаю, что не всякий спор стоит того, чтобы за него расплачивались дети.

— А если молчание тоже становится согласием?

Наполеон тяжело вздохнул.

— Иногда нужно переждать.

— Ты всегда говоришь, что надо действовать. А теперь предлагаешь ждать?

— Потому что сейчас действие может погубить нас всех.

Летиция внимательно посмотрела на сына.

— Значит, ты уже научился бояться?

— Я научился считать последствия.

Она ничего не ответила. В этом различии между страхом и расчётом заключалась одна из главных особенностей Наполеона: он мог рисковать собственной жизнью, но всё чаще пытался контролировать обстоятельства, когда речь шла

о близких.

Между тем в Париже ему предстояло пройти через собственное испытание.

В июле 1794 года пал Робеспьер. Террор, казавшийся ещё недавно непобедимым, начал отступать, но вместе с ним пошли под подозрение и многие люди, служившие республике. Политическая обстановка оставалась нестабильной. Генерал, ещё недавно получивший признание за Тулон, мог оказаться ненужным или даже опасным для новых властей.

Наполеона арестовали по подозрению в политической неблагонадёжности. Его связи с корсиканскими республиканцами и обстоятельства службы вызвали подозрения у представителей новой власти.

Арест не стал долгим заключением. После проверки его освободили, но пережитое заставило его задуматься о том, насколько непрочна его карьера. Он понял, что военный талант сам по себе не защищает от политических подозрений.

Вскоре возникли и служебные трудности. Наполеону предложили должность, связанную с направлением в армию на Востоке, но он не желал терять возможность служить во Франции и добиваться продвижения здесь. Его положение осложнялось, перспективы казались неопределёнными.

Однажды вечером он сидел над картами, когда к нему заглянул знакомый офицер.

— Говорят, у тебя неприятности.

— У меня их достаточно, чтобы не нуждаться в слухах.

— Ты слишком молод, чтобы так легко ссориться с начальством.

— А начальство слишком часто считает, что возраст заменяет способности.

— С такими взглядами далеко не уедешь.

Наполеон отложил карандаш.

— Я уже заметил, что далеко уезжают не всегда те, кто лучше всех знает дорогу.

Офицер рассмеялся.

— И всё-таки тебе нужен покровитель.

— Мне нужна армия, которой можно служить.

— Это не одно и то же.

— Я знаю.

Он действительно знал. Революция разрушила старую систему привилегий, но не уничтожила человеческую зависимость от связей, доверия и политического расположения. Новые порядки обещали равенство, однако и в них многое решалось за закрытыми дверями.

В октябре 1795 года Париж вновь оказался на грани восстания. Роялисты выступили против Конвента, и правительство оказалось перед угрозой вооружённого мятежа. В столице распространялись слухи, на улицах собирались толпы, а представители власти искали человека, способного быстро организовать оборону.

Наполеона вызвали для участия в подготовке защиты Конвента. Ему поручили артиллерию, и он быстро понял,

что времени на долгие обсуждения нет. Необходимо было занять выгодные позиции, привести орудия в готовность и не позволить мятежникам овладеть ключевыми улицами.

5 октября разразились столкновения. Артиллерия сыграла решающую роль в подавлении восстания. Мятежники были рассеяны, а Конвент сохранил власть.

Наполеон снова оказался в центре событий.

На этот раз его действия происходили не на далёком поле боя и не у стен осаждённого города, а в самом сердце политической жизни Франции. Его имя стало известно людям, которые вскоре должны были определять судьбу страны.

Вскоре ему было присвоено звание дивизионного генерала, и перед ним открылась новая служебная перспектива.

Однако вечером после событий 13 вандемьера, когда Париж постепенно возвращался к обычной жизни, Наполеон вышел на улицу и остановился возле одного из домов. Он смотрел на прохожих, на закрывающиеся лавки, на людей, которые спешили домой, стараясь не вспоминать недавнюю стрельбу.

Он понимал, что в этот день сделал выбор. Не обязательно тот, который навсегда определит его убеждения, но тот, который изменит его положение в стране. Он защитил республиканское правительство от мятежа, и теперь его судьба всё теснее связывалась с новой властью.

Впереди были новые назначения, новые походы и новые встречи. Но прежде всего впереди была женщина, которой

предстояло войти в его жизнь и изменить её совсем не так, как меняли её военные победы.

Её звали Жозефина.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ПАРИЖ НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Париж после революции был городом, в котором прошлое ещё не успело умереть, а будущее уже требовало себе жертв.

На улицах по-прежнему спорили о свободе, равенстве и справедливости, но за громкими словами всё чаще скрывались усталость, страх и желание наконец обрести покой. Одни мечтали вернуть монархию, другие защищали республику, третьи уже не верили ни тем, ни другим. Город жил между надеждой и подозрением, словно каждый его житель ожидал, что завтра привычный порядок снова рухнет.

Наполеон получил новое назначение и всё заметнее входил в круг людей, от которых зависели решения правительства. Он был молод, амбициозен, обладал военным опытом и редким умением быстро оценивать обстановку. Но Париж интересовал его не только как политический и военный центр. Здесь находились возможности, которых не могла дать провинциальная служба.

Он всё чаще бывал в салонах, где встречались военные, чиновники, политики и люди, умевшие сохранять влияние при любой власти. Там говорили не только о сражениях и назначениях. Обсуждали театральные премьеры, книги, браки, денежные дела и последние парижские сплетни. Иногда за

чашкой кофе решалось больше, чем за длинным официальным заседанием.

В одном из таких кругов Наполеон познакомился с женщиной, которую вскоре узнал весь Париж.

Она появилась не торопясь, словно совершенно не замечала, что присутствующие уже обратили на неё внимание. В её манере держаться не было ни вызывающей смелости, ни нарочитой скромности. Она умела слушать, улыбаться и отвечать так, что собеседник невольно начинал думать, будто именно его слова представляют для неё особенный интерес.

Наполеон узнал, что её зовут Жозефина де Богарне.

Она была старше его, пережила непростые годы, потеряла мужа, прошла через заключение во времена Террора и сумела вновь занять достойное положение в обществе. У неё были двое детей — Эжен и Гортензия. За внешней лёгкостью скрывалась женщина, которой жизнь уже преподала несколько суровых уроков.

Именно это, возможно, и отличало её от тех, кого Наполеон привык встречать.

Он подошёл к ней после короткого разговора с одним из военных.

— Госпожа, мне кажется, мы прежде не встречались.

— Возможно, генерал. Париж велик, хотя иногда создаётся впечатление, что все здесь давно знакомы друг с другом.

— Тогда я должен считать себя счастливчиком, что сегодня наконец оказался среди этих знакомых.

Жозефина улыбнулась.

— Вы всегда так разговариваете с женщинами?

— Нет. Обычно я говорю с артиллеристами.

— И они тоже улыбаются?

— Только если я сообщаю им, что завтра не будет стрельбы.

Она рассмеялась. Наполеон заметил, что её смех не похож на светскую любезность. В нём было что-то свободное, почти мальчишеское, и это неожиданно расположило его.

Они заговорили о Париже, о последних политических событиях, о положении армии. Наполеон говорил быстро и увлечённо, иногда забывая, что собеседница не обязана разбираться в тонкостях артиллерийской службы. Жозефина слушала внимательно, но не пыталась изображать специалиста.

— Вы, кажется, очень любите свою профессию, — заметила она.

— Я люблю дело, которым занимаюсь.

— А если однажды оно перестанет приносить вам удовольствие?

— Тогда я найду другое.

— Так просто?

— Нет. Но я не собираюсь оставаться там, где больше не могу быть полезен.

Жозефина посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Вы производите впечатление человека, который нико-

гда не сомневается.

— Это впечатление обманчиво.

— Значит, вы умеете скрывать сомнения?

— Я стараюсь не позволять им принимать решения вместо меня.

На этот раз она не ответила сразу. Ей показалось, что перед ней не просто молодой генерал, увлечённый собственными успехами, а человек, который внутренне гораздо тревожнее, чем хочет казаться.

И всё же она не могла не заметить его необыкновенной настойчивости. В нём чувствовалась энергия, иногда почти неудобная для окружающих. Он говорил о будущем так, словно уже видел перед собой дорогу, хотя на самом деле знал лишь несколько ближайших поворотов.

Когда они расстались, Наполеон ещё долго вспоминал разговор.

В следующие дни он стал искать поводы встретить Жозефину снова. Сначала это были случайные визиты, затем более продолжительные беседы. Он обнаружил, что ждёт её появления с нетерпением, которое не мог объяснить ни служебной необходимостью, ни светскими правилами.

Однажды Жозефина заметила:

— Генерал, вы стали довольно часто появляться там, где бываю я.

— Возможно, Париж не так велик, как кажется.

— А может быть, вы просто научились находить нужные

дороги?

— Я всегда умел находить дороги.

— Даже если они ведут не туда?

— Особенно тогда, когда не уверен, куда они ведут.

Она улыбнулась, но в её взгляде мелькнула осторожность. Жозефина не спешила принимать ухаживания. Она знала цену красивым словам и понимала, что молодому генералу предстоит ещё многое доказать.

Наполеон же всё меньше походил на человека, способного спокойно ждать.

Вскоре он заговорил о браке. Для него это было не просто увлечение. Он видел в Жозефине женщину, с которой хотел связать свою жизнь, и её дети уже не казались ему препятствием. Напротив, он старался понравиться им, особенно Эжену, который относился к новому знакомому матери с настороженным любопытством.

Однажды мальчик спросил:

— Вы действительно генерал?

— Да.

— А много людей вам подчиняются?

Наполеон усмехнулся.

— Достаточно, чтобы иногда очень уставать.

— А вы можете приказать кому-нибудь сделать всё, что захотите?

— Нет. И тебе советую запомнить: даже генерал не может заставить человека искренне его любить.

Эжен задумался, а затем спросил:

— А вы хотите, чтобы мама вас любила?

Наполеон на мгновение замолчал.

— Очень.

Мальчик, кажется, остался доволен ответом.

В феврале 1796 года Наполеон и Жозефина поженились. Их брак стал началом отношений, в которых страсть, нежность, ревность и непонимание будут постоянно переплетаться. Но в тот момент молодой генерал думал прежде всего о счастье, которое неожиданно обрёл.

Он ещё не знал, что совсем скоро ему придётся покинуть Париж и отправиться в Италию, оставив любимую женщину далеко позади.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ВСТРЕЧА, ИЗМЕНИВШАЯ СУДЬБУ

В первые недели после свадьбы Наполеон словно пытался наверстать всё то, чего ему недоставало прежде.

Он находил для Жозефины время даже тогда, когда служебные дела требовали его присутствия в другом месте. Он писал ей, когда задерживался, расспрашивал о её настроении, старался угадать желания. Иногда его внимание было почти чрезмерным, но Жозефина принимала его с улыбкой, стараясь не превращать каждый порыв мужа в серьёзное обещание.

Наполеон был человеком крайностей. Если он увлекался делом, то отдавал ему себя целиком. Если любил, то хотел

чувствовать, что любимая женщина отвечает ему той же силой. Но Жозефина обладала иным характером. Она ценила внимание, умела быть нежной, однако не собиралась растворяться в чужой воле.

Однажды утром Наполеон вошёл в комнату, где она читала письмо.

— От кого?

— От знакомой.

— Мужчина или женщина?

Жозефина подняла глаза.

— Вы уже начали проверять мою переписку, генерал?

— Я всего лишь спросил.

— Тогда я всего лишь ответила.

Он понял, что прозвучал слишком резко.

— Прости. Я не хотел тебя обидеть.

— Ты иногда говоришь так, словно привык отдавать приказы даже дома.

— Я постараюсь исправиться.

— Не обещай невозможного. Лучше просто садись рядом.

Он сел. Некоторое время они молчали, и Наполеон держал её руку в своей. В этой простой тишине было больше близости, чем во многих красивых признаниях.

Но счастье оказалось недолгим.

Вскоре Наполеону предстояло принять командование Итальянской армией. Это было важнейшее назначение, открывавшее перед ним огромные возможности. Однако одно-

временно оно означало разлуку с Жозефиной.

Вечером перед отъездом они остались вдвоём. На столе лежали бумаги, карты и распоряжения, которые Наполеон должен был взять с собой. Жозефина смотрела на них с некоторой неприязнью.

— Неужели нельзя было отправиться немного позже?

— Армия ждёт.

— А я?

Он подошёл к ней.

— Ты тоже ждёшь меня. И я вернусь.

— Ты говоришь так, словно можешь обещать это наверняка.

— Я обещаю сделать всё, чтобы вернуться.

Она отвела взгляд.

— Я не хочу быть женой генерала, которого вижу только на портрете.

Наполеон обнял её.

— Тогда не думай о портрете. Думай обо мне.

— Это как раз труднее всего.

Он поцеловал её и некоторое время не отпускал. Затем вернулся к бумагам. Ему необходимо было проверить последние распоряжения, согласовать передвижение частей и подготовить документы для штаба.

Жозефина наблюдала за ним.

— Ты опять работаешь?

— Немного.

— Ты говорил это уже три раза.

— Значит, осталось совсем немного.

Она подошла, забрала лист из его рук и положила на стол.

— Теперь хватит.

Наполеон посмотрел на неё, затем на бумаги.

— Хорошо. Сегодня хватит.

В марте 1796 года он покинул Париж и отправился к армии. Впереди была кампания, которая должна была превратить малоизвестного генерала в одного из самых известных полководцев Европы.

Но ещё до первых побед он начал писать Жозефине.

Письма становились для него способом сохранять близость, когда между ними лежали сотни километров. Он рассказывал о дороге, о людях, о тревогах, о своих надеждах. Иногда писал торопливо, почти не заботясь о литературной форме. В этих строках было много нетерпения, нежности и требовательности.

Ему хотелось знать, что происходит с Жозефиной каждую минуту. Он ждал её писем, перечитывал полученные строки и болезненно переживал молчание.

В одном из писем он признавался, что за месяц получил от неё всего два коротких послания. Это была не жалоба человека, которому не хватает развлечения. Это было беспокойство мужчины, впервые обнаружившего, что его чувства не подчиняются ни дисциплине, ни приказам.

В штабе его окружали офицеры, адъютанты, курьеры, кар-

ты и донесения. На столе лежали сведения о противнике, расчёты, планы движения войск. Он мог часами обсуждать положение армий, оценивать дороги, искать слабые места неприятеля. Но стоило появиться гонцу из Парижа, как его внимание мгновенно переключалось на маленький конверт.

Однажды адъютант принёс несколько писем.

— Господин генерал, почта.

Наполеон быстро просмотрел конверты.

— От Жозефины нет?

— Нет, господин генерал.

Он нахмурился.

— Хорошо. Положите остальные.

Адъютант уже собирался выйти, когда Наполеон остановил его:

— Подождите. Когда отправляется следующий курьер в Париж?

— Завтра утром.

— Передайте, что я жду ответа.

— Конечно.

Когда офицер ушёл, Наполеон некоторое время стоял у окна. За ним простирался лагерь, где солдаты готовились к очередному переходу. Вдалеке слышались голоса, ржание лошадей, звон металла.

Он вернулся к столу и начал писать.

В этих письмах проявлялся совсем другой Наполеон. Не тот, которого вскоре будут изображать на парадных портре-

тах, не полководец, уверенно указывающий направление целым армиям. Здесь был человек, который скучал, ревновал, нуждался в ответном слове и боялся оказаться менее любимым, чем ему хотелось.

Он мог отдавать приказы тысячам солдат, но не мог приказать Жозефине написать ему письмо. Мог заставить противника отступить, но не мог заставить любимую женщину испытывать чувства с той же силой и в том же ритме, что и он.

И, пожалуй, именно поэтому её молчание иногда причиняло ему больше тревоги, чем самые опасные донесения с фронта.

Впереди его ждала Италия. Там он впервые почувствует вкус большой победы, там его имя станет символом военного гения, там начнётся путь к власти, о которой он пока мог только мечтать.

Но в тот вечер Наполеон закончил письмо совсем не как генерал. Он подписался просто: «Твой Наполеон». И долго смотрел на эти слова, прежде чем передать лист курьеру.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВОСХОЖДЕНИЕ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЖОЗЕФИНА

Первые дни Итальянской кампании были наполнены тревогой и ожиданием. Армия, которую принял Наполеон, мало напоминала войско, способное изменить судьбу Европы. Солдаты были плохо одеты, испытывали недостаток продо-

вольствия, обувь у многих давно превратилась в лохмотья. Жалованье задерживали, обозы не справлялись с доставкой припасов, а настроение в подразделениях колебалось между усталостью и раздражением.

Когда новый главнокомандующий впервые объезжал позиции, он видел перед собой людей, которым давно перестали обещать лёгкую жизнь.

Один солдат, заметив его, негромко сказал товарищу:

— Вот ещё один генерал. Посмотрим, чем он нас накормит.

— Если хотя бы сапоги достанет, я готов считать его великим человеком.

Наполеон услышал разговор, остановил лошадь и повернулся к солдатам.

— Вы хотите сапоги?

— И сапоги, господин генерал. И хлеба. А если останется немного вина, мы не станем возражать.

— Сначала получите хлеб и сапоги. Вино придётся заслужить.

— Значит, будем стараться, господин генерал!

Люди засмеялись. Наполеон не стал произносить длинную речь. Он понимал, что солдат, который несколько дней не ел досыта, не нуждается в красивых обещаниях. Ему нужны реальные перемены.

Вскоре он собрал командиров и изложил им своё понимание предстоящей кампании. Перед армией находились ав-

стрийские и сардинские войска. Их позиции прикрывали дороги в Италию, а горная местность затрудняла передвижение. Но Наполеон видел в разобщённости противников возможность, которой нельзя было пренебрегать.

— Они рассчитывают, что мы будем наступать на них одновременно, — сказал он, указывая на карту. — Но мы не обязаны облегчать им задачу. Нам нужно разделить их силы, ударить там, где они не ожидают, и не позволить соединиться.

Один из генералов заметил:

— Для этого потребуется скорость, господин главнокомандующий.

— Именно. Скорость заменит нам численное превосходство.

— А если солдаты не выдержат переходов?

Наполеон посмотрел на него.

— Тогда мы должны сделать так, чтобы они понимали, ради чего идут.

Вскоре его приказы начали менять настроение армии. Он обращался к солдатам напрямую, обещал им добычу богатых итальянских земель, говорил о славе и будущем. Но за этими словами стояла и вполне практическая задача: добиться того, чтобы войско перестало считать себя обречённым на вечное существование в нищете.

Наполеон умел говорить с людьми, когда чувствовал, что они готовы его слушать.

Однако по вечерам, когда штабные офицеры расходились, он возвращался к письмам Жозефины.

Первые послания были полны нежности. Он рассказывал ей о дороге, о своих ожиданиях, о том, как скучает. Иногда просил писать чаще, иногда упрекал за короткие ответы. В его письмах уже проявлялась та черта, которая впоследствии станет мучительной для обоих: Наполеон хотел не просто любви, а постоянного подтверждения этой любви.

Он не умел спокойно переносить неопределённость.

Однажды вечером, после напряжённого совещания, он долго сидел над чистым листом бумаги. За стеной разговаривали офицеры, кто-то смеялся, звякала посуда. На столе лежали карты, донесения и расчёты, но он не мог сосредоточиться.

Наконец написал:

«Жозефина, я думаю о тебе. Мне кажется, что расстояние между нами становится всё больше, когда я долго не получаю твоих писем».

Он перечитал написанное, зачеркнул одну фразу и начал заново.

Ему хотелось сказать ей, что он скучает, что ждёт, что не может забыть её ни на минуту. Но он также хотел, чтобы она чувствовала его отсутствие так же остро, как он чувствовал её.

И всё же письмо получилось нежным.

Когда Наполеон запечатал конверт, в комнату вошёл адъ-

ютант.

— Господин генерал, последние сведения от разведки.

Наполеон поднял голову.

— Кладите сюда.

Офицер положил донесение рядом с картой.

— Завтра потребуется ваше решение.

— Решение будет утром.

Адъютант взглянул на конверт.

— Письмо в Париж?

— Да.

— Важное?

Наполеон на мгновение задумался.

— Для меня — очень.

Он отложил конверт отдельно от военных бумаг. Потом снова склонился над картой. Впереди начинались сражения, которые изменят его жизнь, но в эту минуту он оставался человеком, которому хотелось услышать голос любимой женщины.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПРОЩАНИЕ ПЕРЕД ПОХОДОМ

На рассвете 12 апреля 1796 года французская армия начала наступление.

Горные дороги были узкими, местами размытыми после дождей. Артиллерия двигалась с трудом, обозы отставали, а солдаты шли почти без отдыха. Но теперь у войска был план, и главное — командующий, который не собирался позволять

обстоятельствам диктовать ему темп действий.

Первый удар пришёлся на соединение австрийских и сардинских сил. Наполеон стремился разъединить противников и не дать им использовать численное превосходство. В течение нескольких дней французские части последовательно атаковали позиции неприятеля.

Монте-Нотте, Миллезимо, Дего — названия, которые ещё недавно были известны лишь местным жителям, теперь входили в военные донесения. Французские солдаты продвигались вперёд, захватывали позиции и заставляли противника отступать.

После первых успехов настроение в армии изменилось. Люди, ещё недавно жаловавшиеся на голод и холод, теперь обсуждали предстоящие победы. Они стали внимательнее слушать приказы, охотнее идти на риск и всё чаще произносили имя своего командующего.

Однажды вечером несколько солдат расположились у костра. Один из них, широкоплечий бретонец по имени Пьер, пытался починить сапог.

— Если так пойдёт дальше, — сказал он, — скоро мы дойдём до самого конца Италии.

— А что там? — спросил молодой солдат.

— Не знаю. Может, море. Может, рай. Но надеюсь, что там будет сапожник.

Другой, худощавый и постоянно ворчавший Луи, посмотрел на его сапог.

— Тебе уже никакой сапожник не поможет. Тут нужен плотник.

— Главное, чтобы руки у него были золотые.

— А у тебя ноги деревянные.

Солдаты рассмеялись.

Пьер покачал головой:

— Вот видите, господа, война объединяет людей. Ещё вчера мы были незнакомцами, а сегодня уже вместе обсуждаем мои ноги.

Смех постепенно стих. Вокруг костра наступила тишина, и каждый на несколько минут задумался о своём доме.

Наполеон в это время находился в штабе. Он изучал донесения, обсуждал с офицерами дальнейшее продвижение и готовился к следующему этапу кампании. Его энергия поражала окружающих. Он мог работать до глубокой ночи, а утром первым появлялся у карты.

Но даже в самые напряжённые дни он находил время для писем.

Жозефина отвечала, однако её послания были не такими частыми и пылкими, как ему хотелось. Она оставалась в Париже, занималась своими делами, встречалась с друзьями и привыкала к новой роли жены генерала. Наполеон же воспринимал каждое промедление почти как личное испытание.

Однажды он получил письмо, прочитал его и долго не произносил ни слова.

— Что-нибудь случилось? — спросил адъютант.

— Нет.

— Вы выглядите недовольным.

— Я просто ожидал другого ответа.

Офицер не стал задавать вопросов. Он уже понимал, что в некоторых обстоятельствах его командующий предпочитает оставаться один.

Впрочем, когда Наполеон выходил к солдатам, личные тревоги словно отступали. Он снова становился собранным и требовательным командиром.

В конце апреля французские войска добились решающего успеха над сардинской армией. После поражения сардинский король был вынужден пойти на переговоры, и Франция получила возможность сосредоточить силы против Австрии.

Наполеон понимал, что первая часть его замысла удалась. Теперь предстояло продвинуться дальше, к Ломбардии, и заставить австрийцев принять бой на условиях, выгодных французам.

В одном из штабных совещаний молодой офицер спросил:

— Господин генерал, вы действительно полагаете, что мы сможем войти в Милан?

— Полагаю, что сможем.

— А если австрийцы соберут новые силы?

— Тогда придётся разбить и их.

— Вы говорите так, будто всё уже решено.

Наполеон посмотрел на карту.

— Ничего ещё не решено. Но если мы начнём сомневаться раньше противника, он победит нас без боя.

После совещания он остался один. На столе лежало письмо Жозефины, полученное несколько часов назад. Он снова прочитал его, затем осторожно сложил и убрал в карман мундира.

В этот момент он был уже далеко от Парижа, но мысленно продолжал возвращаться туда. Ему хотелось, чтобы Жозефина разделяла его радость, чтобы знала о каждом успехе, чтобы ждала его возвращения не просто как мужа, а как человека, которому предстоит совершить нечто необыкновенное.

Он ещё не понимал, что любовь и честолюбие не всегда идут рядом. Иногда они требуют от человека противоположного: одна — присутствия, другое — постоянного отсутствия.

И всё же Наполеон продолжал двигаться вперёд. Впереди лежала Италия, а вместе с ней — слава, богатство, новые испытания и первые серьёзные трещины в том семейном счастье, которое он так отчаянно хотел сохранить.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ПИСЬМА ИЗ ИТАЛИИ

Весна 1796 года постепенно уступала место лету. Французская армия продвигалась по Северной Италии, оставляя позади разбитые австрийские и сардинские части. Ещё недавно солдаты жаловались на нехватку продовольствия и

не верили в возможность серьёзных успехов. Теперь они входили в города, видели богатые дома, широкие площади, лавки, наполненные товарами, и впервые за долгое время чувствовали себя победителями.

Но для Наполеона военная кампания была лишь одной стороной жизни. Другая оставалась в Париже.

Он писал Жозефине почти каждый день. Иногда отправлял несколько писем за короткий промежуток времени, словно расстояние между ними можно было преодолеть количеством исписанных листов. Его письма были удивительным сочетанием нежности, страсти, нетерпения и ревности. Он мог начать с описания военных событий, а через несколько строк перейти к признанию, что не способен думать ни о чём другом, кроме неё.

Вечером, когда штаб затихал, он садился за стол и начинал писать.

«Ты не пишешь мне, моя дорогая. Что ты делаешь? Неужели забыла своего Наполеона?»

Он останавливался, перечитывал написанное и продолжал:

«Я думаю о тебе беспрестанно. Мне хочется знать, где ты, что говоришь, чем занимаешься. Я ищу тебя в каждом мгновении своего дня».

Порой он сам удивлялся собственной зависимости от этих листов бумаги. Война требовала решительности, а здесь он становился почти беспомощным. Ему хотелось немедленно

получить ответ, узнать, что Жозефина скучает, что ждёт его, что не забыла ни одного обещания.

Однажды адъютант застал его за письмом уже далеко за полночь.

— Господин генерал, вы ещё не отдыхали.

— Я отдыхаю.

— Но вы уже третий час пишете.

Наполеон поднял голову.

— Вы считаете время?

— Я считаю, сколько часов вам осталось до утреннего совещания.

— Тогда займитесь чем-нибудь более полезным.

Адъютант улыбнулся и вышел.

Наполеон снова склонился над бумагой. Он написал несколько строк, затем остановился и добавил:

«Если бы ты знала, как сильно я тебя люблю, ты бы не заставляла меня ждать так долго».

Это была не просто романтическая жалоба. В ней чувствовалась требовательность человека, привыкшего добиваться ответа на любой вопрос. Но чувства не подчинялись его приказам, и это мучило его гораздо сильнее, чем он мог признать.

Жозефина отвечала. Однако её письма не всегда соответствовали его ожиданиям. Она жила в Париже, поддерживала знакомства, занималась семейными делами, старалась сохранить привычный круг общения. Её жизнь не останови-

лась после отъезда мужа, и она не собиралась превращать каждый день в ожидание почтальона.

Наполеон же воспринимал её спокойствие как недостаток любви.

В одном из писем он подсчитывал, сколько раз за день вспомнил о ней, сколько раз посмотрел на дорогу, ожидая курьера, и сколько раз разочаровался, не получив ответа. В другом жаловался, что её послания кажутся ему слишком холодными.

Он ещё не понимал, что любовь нельзя измерить числом писем.

Впрочем, сам он продолжал писать с прежней страстью.

В это время армия готовилась к новым операциям. Война не позволяла надолго отвлекаться от действительности. За каждой победой следовали новые задачи, за каждым занятым городом — необходимость обеспечивать безопасность дорог, снабжение и порядок.

Однажды вечером Наполеон вышел из штабного помещения и увидел нескольких солдат, сидевших возле костра.

— Что, господа, опять обсуждаете судьбу Европы?

— Нет, господин генерал, — ответил Пьер. — Судьбу нашего ужина.

— И к какому решению пришли?

— Пока к тому, что судьба Европы выглядит значительно сытнее нашей.

Наполеон усмехнулся.

— Завтра получите продовольствие.

— Тогда, господин генерал, мы готовы поддержать любые ваши европейские планы.

Солдаты рассмеялись. Наполеон задержался возле костра, спросил о состоянии подразделения, о потерях, о снабжении. Он знал, что настроение армии зависит не только от побед, но и от того, насколько люди чувствуют заботу командования.

Возвращаясь в штаб, он подумал о письме, которое ещё не закончил.

На столе лежала карта Италии. Рядом — несколько донесений и письмо из Парижа. Наполеон взял последнее, прочитал его ещё раз и почувствовал, как внутри поднимается радость, быстро смешавшаяся с досадой: Жозефина писала слишком мало о том, что он хотел услышать.

Он положил письмо в ящик и снова открыл карту.

На войне он мог позволить себе ошибку лишь однажды. В любви ему предстояло совершать их гораздо чаще.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

АРМИЯ, КОТОРОЙ НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ

К началу мая французские войска приблизились к Милану. Австрийское командование пыталось остановить продвижение противника, но Наполеон не давал ему времени для спокойной перегруппировки.

Победа при Лоди 10 мая 1796 года стала одним из самых ярких эпизодов кампании.

Перед французами находился мост через реку Адду. На противоположном берегу австрийцы разместили артиллерию и пехоту, готовые встретить наступающих плотным огнём. Переправа была узкой, открытой для обстрела, и каждый, кто ступал на мост, становился заметной мишенью.

Наполеон изучал положение, советовался с командирами, оценивал возможности артиллерии. Он понимал, что прямой удар будет сопряжён с большими потерями, но медлить тоже было опасно: противник мог получить подкрепление.

— Можно попытаться обойти мост, — предложил один из офицеров.

— Сколько времени потребуется?

— Не менее нескольких часов.

— А если австрийцы уйдут?

— Тогда придётся преследовать их.

Наполеон посмотрел на противоположный берег.

— Нет. Мы должны заставить их отступить сейчас.

Началась артиллерийская подготовка. Французские орудия открыли огонь, стараясь подавить неприятельские батареи. Затем пехота двинулась к мосту.

С первых минут стало ясно, насколько трудной будет атака. Австрийские пушки били по переправе, ружейные залпы с противоположного берега не давали наступающим поднять головы. Люди падали, другие занимали их места.

Наполеон находился поблизости и наблюдал за ходом боя. Вскоре он понял, что первоначальный натиск теряет силу.

Нужно было изменить порядок действий, усилить огневую поддержку и добиться согласованного движения частей.

В решающий момент французские солдаты снова устремились на мост. Офицеры повели их вперёд, и вскоре переправа превратилась в тесное пространство, где люди двигались почти плечом к плечу под непрерывным огнём.

Один из солдат, молодой парень из Лиона, остановился на мгновение.

— Куда мы лезем? — крикнул он товарищу. — Там же смерть!

— А здесь, по-твоему, курорт? — ответил тот.

Они бросились вперёд.

Французам удалось перейти реку и заставить австрийцев отступить. Победа не означала полного разгрома противника, но имела огромное значение для всей кампании. Она открыла дорогу к Милану и укрепила веру солдат в своего командующего.

Позднее Наполеон будет вспоминать Лоди как момент, когда впервые почувствовал, что способен вести за собой армию и добиваться от неё почти невозможного. Впоследствии вокруг этого сражения возникнет немало легенд, в том числе рассказы о его личном участии в атаке на мост. Но реальная победа была результатом действий множества людей, чьи имена не попали в историю.

После боя Пьер сидел на берегу и перевязывал руку.

— Ну что, — сказал Луи, присаживаясь рядом, — теперь

ты веришь в великого генерала?

— Я верю в то, что мосты строят не для того, чтобы по ним стреляли.

— А я верю, что завтра нас снова куда-нибудь отправят.

— Вот это, брат, самая надёжная вера.

Они помолчали. Рядом лежал раненый солдат, которому товарищи пытались помочь. Кто-то звал врача, кто-то искал воду. Победа уже вошла в донесения, но для тех, кто находился на берегу Адды, она ещё не закончилась.

Наполеон осмотрел поле боя. Он видел радость солдат, слышал разговоры о победе, но замечал и другое: усталые лица, раненых, людей, которые не могли самостоятельно подняться. Он понимал, что армия поверила в него, и это чувство было для него почти опьяняющим.

Теперь он мог требовать большего.

После Лоди французские войска вошли в Милан. Город встретил их настороженно. Одни жители приветствовали французов как освободителей от австрийской власти, другие опасались новых поборов, грабежей и беспорядков. В богатых домах закрывали ставни, торговцы прятали товары, а простые горожане пытались понять, что принесёт им очередная смена власти.

Наполеон выступил перед войсками с обращением, в котором говорил о славе, свободе и победах. Но ему предстояло решать и куда менее возвышенные вопросы: продовольствие, размещение частей, дисциплина, контрибуции и от-

ношения с местным населением.

Вскоре он понял, что победить австрийскую армию недостаточно. Необходимо ещё удержать завоёванное пространство и превратить военный успех в политический результат.

Однажды к нему привели представителя городской общины, который пытался добиться смягчения требований французского командования.

— Генерал, город уже понёс большие расходы, — сказал тот. — Мы просим не возлагать на жителей новые обязательства.

— Армия должна получать продовольствие.

— Но люди не могут отдавать всё.

Наполеон внимательно посмотрел на него.

— Я не собираюсь превращать Милан в пустыню. Но война не может существовать без снабжения.

— Тогда, возможно, следует искать иной способ.

— Предложите его.

Представитель замолчал. Наполеон отпустил его и некоторое время размышлял. Он понимал, что каждое решение имеет последствия, но не всегда был готов отказаться от немедленной выгоды ради будущего расположения населения.

Так постепенно в нём проявлялась не только способность полководца, но и характер будущего правителя: стремление подчинить обстоятельства единой воле, вера в собственную правоту и нетерпение к тем, кто мешал осуществлению за-

мысла.

А далеко от Италии Жозефина продолжала жить своей жизнью. Письма Наполеона становились всё более страстными, и вместе с ними росло его беспокойство.

Он покорял города, разбивал армии и заставлял правительства менять свои решения. Но чем больше расширялась его власть над окружающим миром, тем сильнее он чувствовал, что в самом близком для него мире — мире любви — он далеко не всесилен.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
ПЕРВЫЙ УДАР

Милан встретил французов не так, как встречают освободителей в легендах. На улицах было шумно, на площадях толпились любопытные, из окон выглядывали женщины, а торговцы поспешно открывали лавки. Но за приветственными возгласами скрывалось настороженное любопытство. Жители ещё не знали, надолго ли задержится новая власть и какой счёт она предъявит городу за своё появление.

Наполеон понимал это лучше многих своих офицеров. Победить армию было трудно, но порой ещё труднее заставить побеждённых поверить, что завтрашний день не станет для них хуже вчерашнего.

В штабе на столе лежали карты Северной Италии. На них были отмечены дороги, реки, крепости и расположение французских частей. Особое внимание привлекала Мантуя. Крепость, окружённая болотами и озёрами, оставалась в ру-

ках австрийцев и превращалась в занозу, которую невозможно было оставить без внимания.

— Пока она держится, мы не хозяева положения, — сказал Наполеон, проводя пальцем по карте. — Австрийцы будут пытаться освободить её. И чем дольше мы будем стоять под её стенами, тем больше времени дадим противнику.

Генерал Бертье, склонившийся над картой, поднял голову.

— Но если мы снимем осаду, крепость получит возможность снабжаться.

— А если не снимем, нас могут зажать между двумя армиями. Нужно смотреть не только на то, что мы теряем сегодня, но и на то, что можем выиграть завтра.

Он произнёс это спокойно, словно рассуждал о перемещении фигур на шахматной доске. Но за каждой такой фигурой стояли тысячи людей, которые должны были пройти десятки километров под палящим солнцем, нести оружие, искать воду и засыпать на земле, не зная, проснутся ли утром.

В июле над Италией стояла тяжёлая жара. Дороги высыхали, пыль проникала под одежду и забивалась в глаза. Солдаты жаловались на воду, на сапоги, на бесконечные переходы. Даже победы не могли избавить их от простых человеческих неудобств.

Пьер сидел у костра, вытянув ноги, и рассматривал подошву своего сапога.

— Знаешь, Луи, я начинаю подозревать, что наш генерал

воюет не с австрийцами, а с сапожниками.

Луи усмехнулся:

— Почему?

— Потому что каждый раз, когда мы побеждаем, мои сапоги становятся короче на одну жизнь.

— Купишь новые.

— На что? На обещания? Нам уже столько раз обещали награды, что скоро ими можно будет мостить дорогу.

Рядом сидел пожилой солдат с седыми усами. Он неторопливо жевал кусок хлеба и слушал их разговор.

— Вы оба ещё молоды, — сказал он. — Не знаете главного военного правила.

— И какого же? — спросил Пьер.

— Если сапоги целы, значит, ты ещё не дошёл до места, где они понадобятся.

Солдаты засмеялись. Смех получился негромким, усталым, но настоящим. Война отнимала у людей многое, однако не всегда могла отнять способность смеяться над собственной бедой.

В конце июля пришли тревожные донесения. Австрийцы начали большое наступление, стремясь прорваться к Мантуе с нескольких направлений. Армия фельдмаршала Дагоберта Зигмунда фон Вюрмзера двигалась через горные проходы, а другие силы угрожали французским позициям со стороны озера Гарда.

Наполеон быстро понял, что перед ним не обычная по-

пытка потеснить отдельный отряд. Противник задумал освободить Мантую и одновременно ударить по французским коммуникациям.

В штабе стало тесно от офицеров и курьеров. Донесения прибывали одно за другим. На карте появлялись новые отметки, и прежняя диспозиция теряла смысл.

— Если останемся здесь, нас разделят, — сказал один из генералов.

— Именно, — ответил Наполеон. — Поэтому мы не останемся.

Решение снять осаду далось нелегко. Несколько недель солдаты работали под огнём, строили укрепления, переносили орудия, хоронили товарищей. Теперь приходилось оставлять часть достигнутого и отступать, чтобы сохранить армию.

Когда приказ был объявлен, Пьер долго смотрел на укрепления, которые они недавно считали почти завершёнными.

— Значит, всё зря?

Луи пожал плечами.

— Если мы останемся здесь и нас разобьют, тогда точно зря.

— А если отступим, австрийцы решат, что победили.

— Пусть решают. Главное, чтобы мы ещё могли с ними встретиться.

Французы отходили, но это не было бегством. Наполеон стремился разорвать соединение австрийских сил, заставить

их действовать раздельно и использовать их разобщённость. Он не пытался удержать каждую позицию любой ценой. Его интересовала вся картина, а не отдельный участок земли, который сегодня можно потерять, чтобы завтра вернуть с большей выгодой.

Первые дни августа стали временем непрерывных переходов и столкновений. Французские части маневрировали между озером Гарда и равниной, стараясь не позволить противнику соединить свои силы. У Лонато произошли тяжёлые бои. Одни подразделения теснили австрийцев, другие сами оказывались под угрозой окружения. В донесениях противоречили друг другу сведения о численности противника и его намерениях.

Наполеон почти не спал. Он выслушивал офицеров, сверял карты, отдавал распоряжения и снова возвращался к цифрам, которые для постороннего могли показаться сухой арифметикой. Но он знал, что ошибка в расчёте времени иногда стоит дороже ошибки в выборе дороги.

Вечером пятого августа французская армия сошлась с войсками Вюрмзера у Кастильоне.

Перед боем Наполеон собрал командиров. Он не произносил длинной речи. Ему было достаточно объяснить, где должен оказаться каждый корпус и какую задачу ему предстоит выполнить.

— Не гонитесь за каждым отступающим отрядом, — предупредил он. — Наша цель — не отдельная победа на доро-

ге. Мы должны разбить противника, пока его силы ещё не соединились.

Утро было жарким. Над равниной стояла пыль, а воздух дрожал от зноя. Артиллерия открыла огонь. Грохот орудий смешался с ружейными залпами, командами офицеров и криками раненых.

Австрийцы сопротивлялись упорно. Их солдаты не были испуганной толпой, которую достаточно было однажды ударить, чтобы она рассыпалась. Они умели держать строй, отвечали огнём и несколько раз пытались восстановить положение.

Но французские колонны действовали согласованно. Наполеон использовал манёвр, заставляя противника реагировать на угрозы с разных направлений. Там, где австрийцы ожидали главного удара, появлялась другая опасность; там, где они пытались закрепиться, французские части находили возможность обойти их позиции.

К полудню стало ясно, что Вюрмзер не сможет удержать поле. Австрийские подразделения начали отходить, оставляя орудия, обозы и раненых. Французы преследовали их, но уже не с тем безудержным порывом, который сопровождал первые победы кампании. Солдаты устали. Они слишком хорошо знали, что за одним отступлением противника может последовать новое сражение.

Пьер нашёл Луи возле повозки, на которой лежали двое раненых.

— Ну что, сапожники опять проиграли?

— Похоже, — ответил Луи. — Только сапоги наши всё равно дырявые.

Пьер посмотрел на поле, где ещё недавно стояли австрийские батальоны.

— А ведь утром я думал, что сегодня мы останемся здесь навсегда.

— Сегодня мы остались живы. Для начала достаточно.

Победа при Кастильоне позволила французам сорвать первую крупную попытку деблокировать Мантýю. Вюрмзер отступил, но крепость не сдалась. Война продолжалась, и Наполеон знал, что противник вернётся.

В тот же вечер он получил письмо из Парижа. Оно было коротким. Жозефина рассказывала о светских встречах, о знакомых, о мелких происшествиях, которые в мирной жизни могли показаться совершенно обычными. Наполеон прочитал письмо один раз, затем перечитал снова. Он искал в нём не сведения, а то, чего ему не хватало: нежности, нетерпения, признания, что она скучает по нему так же сильно, как он по ней.

Он сел за стол и начал писать. Сначала слова ложились быстро, почти горячо. Потом он остановился, перечитал несколько строк и зачеркнул их. Ему хотелось спросить, почему она так редко пишет, где бывает, с кем проводит вечера, почему в её письмах столько новостей и так мало любви.

Но он не стал задавать все эти вопросы сразу. Вместо это-

го написал, что победил при Кастильоне, что снова думает о ней и ждёт её ответа.

За окном ещё слышались голоса солдат. Кто-то искал воду, кто-то ругался из-за потерянной сумки, кто-то звал товарища. Победа не превращала лагерь в праздничный город. Она лишь давала людям несколько часов передышки.

Наполеон отложил письмо и посмотрел на карту. Мантуя всё ещё была впереди, Австрия не отказалась от борьбы, а французская армия нуждалась в людях, продовольствии и времени. Он снова одержал победу, но понимал: каждый новый успех приближал его к вершине и одновременно делал падение всё опаснее.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

МОСТ ЧЕРЕЗ ОГОНЬ

Осень в Северной Италии оказалась не менее беспокойной, чем лето. Французская армия продолжала осаду Мантуи, но крепость оставалась в руках австрийцев. Её стены и укрепления были не просто камнем и землёй — за ними стояли запасы, гарнизон и надежда противника изменить ход всей кампании.

Наполеон понимал, что победа при Кастильоне не решила главной задачи. Австрия готовила новую армию. На этот раз командование было поручено генералу Йозефу Альвинци, опытному военачальнику, которому предстояло попытаться прорваться к Мантуе и заставить французов снять осаду.

В ноябре австрийцы начали наступление. Французские

силы оказались растянуты, а дороги превратились в поле постоянных столкновений. У Кальдиеро французы потерпели неудачу. Наполеону пришлось отойти и заново оценить положение.

В штабе царило напряжение. Несколько генералов предлагали сосредоточить силы для обороны, другие считали необходимым немедленно атаковать. Каждый видел опасность на своём участке, и каждый был по-своему прав.

Наполеон молча слушал, затем подошёл к карте.

— Альвинци рассчитывает, что мы будем защищать всё сразу, — произнёс он. — Но у нас недостаточно сил для этого. Значит, мы должны выбрать место, где его армия окажется в наиболее невыгодном положении.

Он провёл пальцем по карте к реке Альпоне.

— Здесь.

Один из офицеров наклонился ближе.

— У Арколе?

— Да. Если мы сможем пройти через этот район и угрожать его сообщениям, ему придётся изменить направление движения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.